

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИКЪ.

Октава Фелье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

РАУЛЬ Д'АГОЛЬ.

СЮЗАННА, его жена.

БАРОНЪ де-ГРАВВИЛЬ, дѣдъ Сюзанны.

ЖОРЖЪ де-ВЕРНОНЪ.

ЖАНЕТА, старая служанка.

ПЕРМИТЪ, слуга Рауля.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ.

ПОВАРЕНОКЪ.

Дѣйствіе въ Провинціи.

I.

Пріемная великолѣпнаго дома, ярко освѣщенная и уставленная цвѣтами. Двойная лѣстница влѣтъ въ садъ, также озюмипнованный. Часъ по полуночи.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ и **ПОВАРЕНОКЪ**, стоятъ, облокотясь на перила лѣстницы.

ПОВАРЕНОКЪ. Такъ вы думаете, мосье Роберъ, что молодой любитъ хорошіи столъ ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Да, онъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что ѣдятъ. Я увѣренъ, что мадамозель Сюзанна будетъ съ нимъ счастлива. Но вотъ и Жанета; я думаю, пора готовить чай.

ЖАНЕТА. Да, да, Роберъ. Весь свадебный поѣздъ сейчасъ будетъ здѣсь. (*Метръ-д'отель дѣлаетъ знакъ поваренку, который убѣгаетъ*).

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. И такъ, все кончено, Жанета?

ЖАНЕТА. Не знаю, кончено-ли все, или не кончено, но молодые уже обвѣнчаны.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Кажется, все идетъ, какъ нельзя лучше.

ЖАНЕТА. Превосходно. Что сдѣлано, того уже не воротить.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Вы, кажется, не совсѣмъ довольны, Жанета?

ЖАНЕТА. Миѣ какое дѣло? Баронъ доволенъ, молодая довольна, молодой также — хоть этого и не видно, а я что тутъ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Развѣ онъ вамъ не нравится?

ЖАНЕТА. Что вы! Развѣ можно видѣть этого господина безъ того, чтобы имъ не восхищаться? Развѣ онъ не изъ Парижа? Неужели вы осмѣливаетесь думать, что изъ Парижа что-нибудь выходитъ дурное?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Нужно отдать ему справедливость: онъ красивый мужчина.

ЖАНЕТА. Да, красивая кукла.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. А что вы скажете о мадамозель Сюзаннѣ?

ЖАНЕТА. Бѣдняжка! *(Плачетъ)* Право, замужество дѣло хорошее.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Почему же?

ЖАНЕТА. Почему? *(Поваренокъ вбѣгаетъ запыхавшись)*.

ПОВАРЕНОКЪ. Мадамозель Жанета, васъ спрашиваетъ какой-то господинъ.

ЖАНЕТА. Меня спрашиваетъ... въ часъ ночи! Онъ съума сошелъ! *(Входитъ слуга Рауля, Лермитъ, съ узломъ въ рукѣ)*.

ЛЕРМИТЪ. Мамзель Жанета?

ЖАНЕТА. Что вамъ угодно?

ЛЕРМИТЪ. Точно-ли я говорю съ мамзель Жанетою?

ЖАНЕТА. Съ кѣмъ же? *(Метръ-д'отель и поваренокъ уходятъ)*.

ЛЕРМИТЪ *(въ полголоса, съ таинственнымъ видомъ)*. Меня зовутъ Лермитъ.

ЖАНЕТА. Что-жъ изъ этого?

ЛЕРМИТЪ. Я камердинеръ г. Рауля.

ЖАНЕТА. А! Очень рада.

ЛЕРМИТЪ *(понижая еще голосъ)*. Миѣ приказано обратиться къ вамъ, чтобы узнать, куда положить всѣ эти вещи. *(Показываетъ на узелъ)*.

ЖАНЕТА. Какія вещи?

ЛЕРМИТЪ. Туалетный ящикъ, кисти и щетки.

ЖАНЕТА. А! Такъ вотъ о чемъ заботится вашъ господинъ въ эту минуту?

ЛЕРМИТЬ. Вы понимаете, какъ непріятно для него будетъ завтра поутру не видѣть того, къ чему онъ привыкъ.

ЖАНЕТА. Да это ни на что не похоже!

ЛЕРМИТЬ. Какъ?

ЖАНЕТА. Я вамъ говорю, что это ни на что не похоже, и что вы можете убираться съ этими вещами, куда хотите.

ЛЕРМИТЬ. Неужели вамъ удивительно, что баринъ хочетъ бриться завтра поутру?

ЖАНЕТА. Не принесли-ли вы за одно и его ночной колпакъ? (*Слышенъ стукъ кареты*). Нечего дѣлать, давайте... Однимъ только мужчинамъ могутъ приходиться въ голову подобныя мысли. Это неблагородно! (*Уходитъ*).

(Въ саду слышенъ шумъ. Слуги съ любопытствомъ тѣснятъ въ передней. Кареты, одна за другой, подъезжаютъ къ крыльцу. Сюзанна, въ туалетъ новообращной, входитъ, опираясь на руку своего дѣда, бодрого и живаго старичка).

СЮЗАННА. Какъ это мило! Что вы не женитесь, дѣдушка?

БАРОНЪ. Пядесятъ лѣтъ назадъ, я также праздновалъ свою свадьбу, мой другъ. (*Они проходятъ въ комнаты, вѣсть съ гостями*).

II.

САДЪ.

Извилистая аллея слабо освѣщена отблескомъ отдаленныхъ огней. Теплая, ароматическая, лѣтняя ночь.

СЮЗАННА (*съ вуалетъ, наброшеннымъ на голову, увлекаетъ за собою Жанету*). Пойдемъ! дальше... дальше...

ЖАНЕТА. Что съ вами, сударыня?

СЮЗАННА. Я хочу сказать тебѣ секретъ, Жанета: слушай! (*Схватываетъ ее за обѣ руки*) Я счастлива! (*Обнимаетъ ее и плачетъ*).

ЖАНЕТА. Дай Богъ, чтобы вы всегда были счастливы!

СЮЗАННА. Мнѣ хотѣлось подѣлиться съ тобою моимъ счастьемъ. Я задыхалась: мое сердце было такъ полно.

ЖАНЕТА. О, сударыня!

СЮЗАННА. И кому же открыться мнѣ, какъ не тебѣ, моя добрая Жанета?... Ты знаешь, какъ я люблю тебя! Цѣлыя двадцать лѣтъ ты жила только для своей Сюзанны. Ты носила меня на рукахъ, отъ ко-

лыбели до свадьбы, замѣняя мнѣ мать. И я люблю тебя, и никто, кромѣ тебя, не услышитъ моего признанія въ счастіи.

ЖАНЕТА. Дочь моя, милая Сюзанна... благодарю... благодарю тебя.

СЮЗАННА. Мнѣ непременно хотѣлось высказать тебѣ это именно здѣсь, въ тѣни этихъ жасминовъ... Знаешь-ли почему? — Сядь, припомни... О, ты ничего не помнишь; а мнѣ кажется, какъ-будто это было вчера.

ЖАНЕТА. Пойдите... пойдите....

СЮЗАННА. Это было вечеромъ; я сидѣла задумавшись и не слышала, какъ ты подошла ко мнѣ. При звукѣ твоего голоса я вздрогнула. Ты сказала: все кончено; дити мое не принадлежитъ мнѣ болѣе! Я встала; но ты посадила меня возлѣ себя и продолжала: Сюзанна, сердце вѣщуетъ; пора выходить замужъ.

ЖАНЕТА. (смѣясь). Это показалось вамъ обиднымъ.

СЮЗАННА. Признаюсь, я сначала обидѣлась; но я до-сихъ-поръ не понимаю, какимъ-образомъ ты могла угадать мои мысли.

ЖАНЕТА. Трудное дѣло!

СЮЗАННА. Это меня такъ сконфузило, что ты взяла меня за обѣ руки, стараясь успокоить, и сказала: Тутъ еще нѣтъ бѣды, душечка; но нельзя ли узнать имя этого господина? Брюнетъ онъ, или блондинъ? Не князь ли онъ какой?... Онъ не былъ княземъ, Жанета, и даже вовсе не имѣлъ имени; я не любила никакого имени; я любила... вотъ и все. Я сама себя не узнавала. Меня не занимало ничто, кромѣ уединенія и задумчивости. Я стыдилась сходства съ тѣми скучными герониями, о которыхъ мы такъ много читали зимою. При всемъ томъ, мнѣ нравилось такое положеніе. Я часто приходила сюда мечтать, и бывало, пробуждаясь отъ грезъ, прижимала набранный мною букетъ къ пылающему лицу и обливала его слезами.

ЖАНЕТА. Помню, помню.

СЮЗАННА. Я не скрывалось передъ тобою, моя бѣдная Жанета; я призналась, что между всѣми мечтами и призраками, которые меня окружали, есть одинъ, котораго я боялась больше другихъ, и котораго при всемъ томъ, чаще всѣхъ призывала. Черты его лица... сама не знаю, какимъ-образомъ онъ родился въ моемъ воображеніи... дышали гордостью, которая измѣнялась для меня въ иѣжную улыбку. Взглядъ его общалъ все, чего можетъ надѣяться женщина отъ друга, повелителя и мужа... честь, доброту и умъ. Въ тоже время, казалось, что его мучило какое-то безпокойство, которое одна я могла разсвѣять. Онъ подходилъ ко мнѣ... рука его касалась моей руки, и я чувствовала, что сердце мое сильнѣе билось. Когда я рассказала тебѣ все это, ты

отвѣчала мнѣ: Успокойся, дитя мое; теперь мы будемъ молиться, чтобы Богъ послалъ тебѣ того, о комъ ты мечтаешь. И въ-самомъ-дѣлѣ, Богъ послалъ его мнѣ. Этотъ милый призракъ здѣсь; онъ меня любитъ, онъ мой мужъ!... Вотъ, что я хотѣла сказать тебѣ и всѣмъ свидѣтелямъ моихъ мечтаній: деревьямъ, цвѣтамъ, звѣздамъ и ночи... О, какъ прекрасна эта ночь! посмотри, какъ ясно небо... Какой ароматъ въ воздухѣ! Какъ милостивъ къ намъ Богъ, и какъ я люблю тебя, Жанета.

ЖАНЕТА. О, люби меня всегда, дитя мое, какъ ты меня прежде любила.

СЮЗАННА. Я только одного боюсь, что никогда не буду его достойна.

ЖАНЕТА. Какъ это можно!

СЮЗАННА. У него львиное сердце, Жанета. Офицеръ, который сидѣлъ за столомъ возлѣ тетушки, рассказалъ мнѣ всѣ его похождения въ Африкѣ. Опъ спасъ его брата.

ЖАНЕТА. Развѣ г. Рауль служилъ въ военной службѣ?

СЮЗАННА. Никогда! Онъ просто ѣздилъ въ Африку повидаться съ де-Вернономъ, своимъ старымъ другомъ, и неожиданно засталъ его на пути въ экспедицію. Онъ отправляется вмѣстѣ съ нимъ, такъ просто для удовольствія. Въ горахъ они встрѣчаютъ непріятеля. Де-Вернонъ, раненный и выбитый изъ сѣдла, видитъ, какъ его любимый братъ защищается противъ толпы арабовъ. Онъ зоветъ Рауля, который съ лошадыю бросается со скалы и спасаетъ обоихъ. И когда я подумаю, Жанета, что этого самаго человѣка я вижу у своихъ ногъ, о, я еще болѣе начинаю любить его.

ЖАНЕТА. Все это прекрасно; но послушайте своей старой Жанеты: любите его сколько хотите, но не говорите ему этого.

СЮЗАННА. Я никогда не осмѣлюсь этого сдѣлать: я едва его знаю. А между-тѣмъ, мы обвѣнчаны... Не странно ли все это, Жанета?

ЖАНЕТА. Въ церкви мнѣ показалось, что онъ былъ слишкомъ холоденъ.

СЮЗАННА. Какъ ты смѣшна, Жанета? Нельзя же ему плакать, какъ женщинѣ! Скажи правду, ты ревнуешь его ко мнѣ?

ЖАНЕТА. Да, да! Но тише... тише... (*Слышны голоса и шумъ шаговъ*).

СЮЗАННА. Уйдемъ отсюда!

ГОЛОСЪ (*въ отдаленій*). Который ей годъ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Девятнадцать.

СЮЗАННА (*тихо съ живостью*). Это онъ.

ЖАНЕТА. Пойдемъ же прочь.

СЮЗАННА. Нѣтъ, нѣтъ, послушаемъ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Она восхитительна.

ВТОРОЙ. Да.

ЖАНЕТА. Уйдемъ скорѣе. Они идутъ сюда.

СЮЗАННА. Они, можетъ-быть, говорятъ обо мнѣ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось... Что же тутъ дурнаго?... Это мужъ мой. Сюда... за этотъ кустъ... пойдемъ скорѣе.. (Прлцутся).

III.

РАУЛЬ Д'АГОЛЬ, ЖОРЖЪ ДЕ-ВЕРНОНЪ, медленно идутъ подъ руку.

ЖОРЖЪ. Но гдѣ же она?

РАУЛЬ. Не знаю... впрочемъ, я велѣлъ извѣстить, когда она явится... Но для чего ты уѣзжаешь отъ насъ такъ скоро?

ЖОРЖЪ. Мнѣ необходимо. Сегодня кончается мой отпускъ. Въ которомъ часу идетъ первый поѣздъ по желѣзной дорогѣ?

РАУЛЬ. Въ пять часовъ. Дай мнѣ слово пріѣхать сюда осенью, черезъ два или три мѣсяца: мы будемъ охотиться вмѣстѣ.

ЖОРЖЪ. Черезъ два мѣсяца? Ни за что на свѣтѣ... Ты возненавидишь меня; нѣтъ ничего глупѣе, какъ быть третьимъ лицомъ при влюбленныхъ.

РАУЛЬ. Сейчасъ видно, любезный Жоржъ, что ты изъ Африки. По нашему, пробыть наединѣ два или три мѣсяца становится довольно скучнымъ, и другъ даже обязанъ пріѣхать, чтобы разсѣять эту скуку.

ЖОРЖЪ. Еслибъ у меня была такая жена, я бы готовъ запереться съ нею въ башню.

РАУЛЬ. Въ темную?

ЖОРЖЪ. Не въ темную, но въ неприступную.

РАУЛЬ. Это своего рода самоубійство... Сядемъ здѣсь. И такъ, любезный Жоржъ, жена моя тебѣ нравится?

ЖОРЖЪ. Выслушай, и не смѣйся надо мною. Въ тотъ день, когда ты спасъ жизнь моего брата, я обратился къ Богу съ молитвою награждать тебя счастьемъ.

РАУЛЬ. Продолжай, Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Не зная, въ чемъ состоятъ истинное счастье, я оставялъ на волю Провидѣнія избрать для тебя награду... И признаюсь, когда я увидѣлъ, что васъ соединили передъ алтаремъ, я плакалъ отъ радости, и внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что долгъ мой заплаченъ.

РАУЛЬ (*холодно*). Гмъ! При такихъ понятіяхъ тебѣ необходимо жениться.

ЖОРЖЪ. Напротивъ, при такихъ понятіяхъ мнѣ невозможно жениться, потому—что я нигдѣ не найду двойника твоей жены.

РАУЛЬ. Но что же ты находишь особеннаго въ моей женѣ?.. Конечно, она недурна, и даже очень мила; но не отъ чего приходитъ въ такой восторгъ.

ЖОРЖЪ. Полно притворяться, Жоржъ; признайся, ты обожаешь ее?

РАУЛЬ. Жоржъ, развѣ ты замѣтилъ во мнѣ признаки сумашествія?

ЖОРЖЪ. Ужъ вѣрно же любишь, когда женился на ней.

РАУЛЬ. Послушай, Жоржъ, откуда у тебя такія понятія? Откуда эта мораль и этотъ высокій слогъ, которыми ты терзаешь мнѣ слухъ? Аркадія давно не существуетъ, мой любезный! Дафнисы и Хлоп вымерли!.. Не сердись за это, Жоржъ!.. Не я убилъ ихъ; они умерли сами собою.

ЖОРЖЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Для чего же ты женился, если ты не влюбленъ?

РАУЛЬ. Женился именно потому, что не былъ влюбленъ, любезный другъ мой; потому—что не долженъ болѣе влюбляться; потому—что любовь, или то, что ложно называется этимъ словомъ, испытано мною до пресыщенія; потому—что мнѣ тридцать лѣтъ, и старому холостяку смѣшно играть въ свѣтѣ роль школьника... Не спорь... побереги свои возраженія и досаду для того, что тебѣ остается выслушать. Три мѣсяца тому назадъ, я въ первый разъ въ жизни вздумалъ взглянуть на свое имѣніе, около Орлеана. Бродя съ моимъ фермеромъ по полямъ я спросилъ у него, кому принадлежитъ красивый замокъ, возвышающійся по сосѣдству? — Это замокъ Шени, отвѣчалъ онъ. — А чей это лѣсъ, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ мое помѣстье? — Это паркъ, принадлежащій замку. — А замокъ принадлежитъ какому—нибудь маркизу Карабасу? — Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ серьезно: замокъ принадлежитъ графинѣ Сюзаннѣ де-Шени. Славное мѣсто для охоты и двадцать тысячъ ливровъ чистаго дохода, прибавилъ онъ, прищуриваясь... Барышня не засидится въ дѣвкахъ, я увѣренъ. Вотъ, мой другъ, прологъ той пастушеской драмы, которой ты сейчасъ видѣлъ развязку.

ЖОРЖЪ. Ты не увѣришь меня, чтобы сватаясь за мадамозель де-Шени, ты имѣлъ въ виду одни безсовѣстные расчеты!

РАУЛЬ. Во—первыхъ, я давно уже думалъ жениться, и мой фермеръ только указалъ мнѣ цѣль. Разумѣется, еслибъ я пошелъ въ мадамозель де-Шени урода или дуру, это конечно ничѣмъ бы не кон-

чилось; но въ ней все было прилично: и манеры, и воспитаніе, и мнѣ показалось, что я въ состояніи буду чувствовать къ ней ту спокойную привязанность, которая связываетъ всякаго благороднаго чело-вѣка съ матерью его дѣтей.

ЖОРЖЪ. Значить, ты ее обманывалъ?... Это не хорошо!

РАУЛЬ. Въ чемъ же я могъ ее обманывать?

ЖОРЖЪ. Неужели ты думаешь, что этотъ ребенокъ, котораго портретъ ты обрисовалъ такимъ обиднымъ образомъ, что этотъ образецъ доброты и прелести, ничего болѣе не ожидаетъ отъ тебя, какъ одной спокойной привязанности?

РАУЛЬ. Чего же ей ожидать, любезный другъ? Сюзанна воспитывалась, чтобы быть хорошею помѣщицею; она смотритъ на замужство, какъ на замужство, на кота, какъ на кота, на мужа, какъ на мужа, не болѣе.

ЖОРЖЪ. Но этой помѣщицѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ! но глаза ея блестятъ огнемъ молодости! Какая же молодая дѣвушка не строила воздушныхъ замковъ? Но что ты ищешь?

РАУЛЬ. Ничего... а! вотъ онъ. Посмотри, это микроскопическая рѣдкость, золотой ключикъ; мнѣ дала его жена съ большою церемоніею и таинственностію... Должно-быть это какое-нибудь сокровище. Я бы охотно отказался отъ такого подарка. Всѣ эти наивности мнѣ несносны.

ЖОРЖЪ. Прощай, Рауль.

РАУЛЬ. Какимъ тономъ ты говоришь это, Жоржъ! Ты сердился?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, но мнѣ больно. Пятнадцать лѣтъ ты былъ моимъ лучшимъ другомъ... ты скрѣпилъ навсегда наше братство невознагра-димою услугою... и при всемъ томъ мнѣ кажется, что я позабуду все, если ты не перестанешь говорить о своей женѣ съ этимъ притворнымъ равнодушіемъ, съ такою самодовольною увѣренностью глупца.

РАУЛЬ. Ого!.. у тебя кажется порохъ въ крови, и каждое слово пахнетъ желѣзомъ.

ЖОРЖЪ. Прощай.

РАУЛЬ (*ударжавъ его и понижая голосъ*). Передъ уходомъ, Жоржъ, положи на минуту руку ко мнѣ на сердце; можетъ-быть, подъ этой благородной рукою, оно опять оживетъ и согрѣется.

ЖОРЖЪ. Что ты говоришь?

РАУЛЬ. Люби меня по прежнему; я такъ несчастливъ. Слова мои, которыя такъ справедливо тебя оскорбляютъ, давно обратились для меня въ привычку; давно онѣ служатъ маскою отчаянію, которое меня гло-

жетъ. Сегодня болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я долженъ былъ притворяться: въ груди моей смерть!

ЖОРЖЪ. Боже мой! Какую же тайну ты отъ меня скрываешь?

РАУЛЬ (*прерывистымъ голосомъ*). Никакой... ничего! Я жилъ, вотъ и все. Я желалъ бы, чтобъ меня постигло какое-нибудь ужасное несчастіе; я сталъ бы бороться... Я нашелъ бы въ себѣ твердость! Но нѣтъ, меня мучитъ болѣзнь, которой нѣтъ ни исцѣленія, ни имени: прошедшаго измѣнить невозможно, а меня убиваетъ прошедшее! Я вель бурную молодость въ томъ свѣтѣ, который ничему не вѣритъ, и вотъ до чего я дошелъ!

ЖОРЖЪ. Я съ трудомъ понимаю тебя.

РАУЛЬ. Не мудрено: выйдя вмѣстѣ изъ училища, мы избрали двѣ разныя дороги: ты подчинилъ свою жизнь строгой дисциплинѣ, а я... Но прежде скажи мнѣ, помнишь ли ты, чѣмъ я былъ двѣнадцать лѣтъ назадъ?

ЖОРЖЪ. Чѣмъ ты былъ, Рауль? Ты былъ тѣмъ, чѣмъ я нахожу тебя теперь — пылкимъ, благороднымъ человѣкомъ, съ гордою, возвышенною душою, способною на всякое самоотверженіе...

РАУЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ... я говорю не объ этомъ... но при всемъ томъ такое воспоминаніе доказываетъ, что во мнѣ существовалъ когда-то зародышъ добра, который могъ обѣщать кое-что въ будущемъ. Праздность все уничтожила, все развѣяла по вѣтру. Я не намѣренъ рассказывать тебѣ пошлую мою исторію, или описывать слѣдствія праздной и необузданной молодости; я хочу только очертить тотъ особенный характеръ, который придаетъ подобной жизни нашъ вѣкъ. Мнѣ кажется, только въ хаосѣ среднихъ вѣковъ, можно найти времена, въ которыя, какъ въ наше время, во Франціи такъ мало вѣрили всему прекрасному и истинно-благородному. Предаваясь слѣпо дурнымъ наклонностямъ, мы блуждаемъ, какъ корабль безъ руля. Это независимость, говоримъ мы; да, это свобода слѣпца.

ЖОРЖЪ. Да, это болѣзнь нашего времени.

РАУЛЬ. Конечно, и я вижу, что мы еще понимаемъ другъ-друга, Жоржъ. Повѣрь, у меня нѣтъ той глупой гордости, слишкомъ обыкновенной въ наше время, которая отвергаетъ всякія правила, начиная отъ истинныхъ вѣрованій до уваженія матери и отчества!... Безумцы! Эти чувства, эти обязанности составляютъ нашу силу, наше величіе! Таковъ свѣтъ, въ которомъ я жилъ, и какъ я ни осуждаю его теперь, но я жилъ его жизнью и напитался его ядомъ. Въ этомъ свѣтѣ, Жоржъ, есть только одно средство сохранить свое нравственное достоинство: это — трудъ; но никакія обязанности, ника-

кой трудъ не охраняли моеѣ молодости, а праздность, всегда вредная, смертельна въ наше время. Вотъ, что я хотѣлъ объяснить тебѣ, Жоржъ, чтобы ты пожалѣлъ обо мнѣ отъ души. (*Онъ закрываетъ лицо руками*).

ЖОРЖЪ. Успокойся... сюда идуть...

РАУЛЬ (*вставая*). Я думаю, меня ищуть... (*Прислушивается*). Нѣтъ... ты ошибся... Однакожъ мое отсутствіе можетъ показаться слишкомъ долгимъ... Неужели обо мнѣ уже забыли?.. Еще два слова, Жоржъ: я рассказалъ тебѣ свою исторію и исторію многихъ; но она еще не полна... Ты спрашивалъ меня, для чего я женился?.. О, я хотѣлъ испытать послѣднее средство, и женитба показалась мнѣ единственнымъ спасеніемъ. Мнѣ казалась, что сблизясь съ неспорченнымъ сердцемъ, я снова оживу душою; что истинныя, святыя чувства еще могутъ во мнѣ воскреснуть...

ЖОРЖЪ. И что-же?

РАУЛЬ. Что-жъ дѣлать! Сюзанна милая, достойная любви дѣвушка, но у нея неостанетъ силъ, чтобы залечить раны, оставленныя на мнѣ прошедшимъ... Напротивъ, она возбуждаетъ во мнѣ самыя горькія воспоминаія. Бѣдная дѣвушка! каждое ея слово, каждая ласка, напоминаетъ мнѣ... не смѣю сказать; но какой-то злой духъ шепчетъ мнѣ на ухо унизительныя сравненія, которыя дѣлають изъ нея холодную копію со многихъ женщинъ... Ты сердисься на меня?

ЖОРЖЪ. Окончимъ этотъ разговоръ. Не знаю, кого изъ васъ я долженъ болѣе жалѣть.

РАУЛЬ. Я думаю, меня. Эти ужасы непонятны бѣдной Сюзаннѣ, и нельзя беспокоиться о томъ, чего не знаешь.

ЖОРЖЪ. Напьяши мнѣ, чѣмъ все это кончится; несмотря ни на что, я люблю тебя по прежнему.

РАУЛЬ. Благодарю, Жоржъ; я буду писать тебѣ, но чѣмъ это кончится, извѣстно одному Богу.

(*Расходятся въ разные стороны*).

IV.

СПАЛЬНЯ.

СЮЗАННА стоитъ у каміна, въ полномъ свадебномъ костюмѣ, псключая цвѣтовъ и вуаля. Легкій стукъ въ дверь заставляетъ ее вздрогнуть. Входитъ **РАУЛЬ**, отъ котораго **СЮЗАННА** отступааетъ, потупивъ глаза.

РАУЛЬ (*останавливается и говоритъ умоляющимъ голосомъ*). Сюзанна... вы бѣжите отъ меня?.. Вы меня боитесь?

СЮЗАННА (*поднимая голову*). Нѣтъ.

РАУЛЬ. Вѣрю... Бояться могу только я одинъ! Столько молодости и красоты приводитъ меня въ смущеніе! — Я буду ревнивъ, Сюзанна! — Какъ она на меня смотритъ!.. (*Беретъ ее за руку*)... Вы блѣдны, вы дрожите, Сюзанна!

СЮЗАННА. Это такъ. (*Онъ тихо ведетъ ее къ дивану, на которыи они оба садятся*).

РАУЛЬ. Вы жена моя передъ Богомъ и передъ людьми, Сюзанна; но скажите, то ли говоритъ вамъ сердце?

СЮЗАННА. А вы любите меня?

РАУЛЬ. Какъ! Неужели вы еще такъ недовѣрчивы. Кажется, довольно одной минуты, чтобы очутиться въ вашихъ очарованныхъ цѣняхъ, но мало цѣлой жизни, чтобы разорвать ихъ.

СЮЗАННА. Скажите, изъ этой фразы должна ли я понять, что вы меня любите?

РАУЛЬ (*смотря на нее съ удивленіемъ*). Станный вопросъ!.. Да, я васъ люблю, и болѣе, чѣмъ считалъ себя способнымъ любить.

СЮЗАННА. Но къ чему эта усмѣшка?.. Развѣ вы не можете сказать мнѣ этого серьезно.

РАУЛЬ (*серьезно и нѣжно*). Я люблю васъ, прелестная кокетка!

СЮЗАННА. Прекрасно. Вы, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливы. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ мужчина умѣетъ лгать. — Прошу васъ, оставьте мою руку. (*Рауль медленно встаетъ, смотря на нее съ гнѣвомъ; она продолжаетъ*). А! теперь ваша маска спала, и я не узнаю болѣе вашего лица.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Вы съума сошли?

СЮЗАННА (*печально*). Нѣтъ, успокойтесь; никогда еще я такъ не владѣла своимъ разсудкомъ. Постарайтесь быть также спокойнымъ, какъ я. Рауль, я слышала въ саду весь вашъ разговоръ съ вашимъ другомъ. Богъ свидѣтель, я не понимала безразсудства своей нескромности; но узнавъ печальную истину, раскаяніе уже поздно.

РАУЛЬ (*въ волненіи ходитъ по комнатѣ и по временамъ останавливается передъ Сюзанной*). Что-же вы намѣрены дѣлать?

СЮЗАННА. Я не знаю нашихъ законовъ, и потому прошу васъ отвѣчать мнѣ откровенно. Нѣтъ-ли какого-нибудь средства разорвать наше обязательство?

РАУЛЬ. Я также очень несвѣдущъ въ этомъ дѣлѣ; знаю только, что всякая огласка погрѣетъ насъ стыдомъ.

СЮЗАННА. А между-тѣмъ союзъ нашъ не имѣетъ смысла.

РАУЛЬ (*вдругъ останавливаясь*). Откуда взялись у васъ эти идеи, эти необъяснимыя слова?

СЮЗАННА. Миѣ кажется, Рауль, вы дурно судили обо мнѣ. Правда, сердце мое молодо; но во всемъ остальномъ, вы ставите меня слишкомъ низко. Въ васъ много гордости; разговоръ вашъ съ другомъ казался вамъ недоступнымъ и непонятнымъ для женщины моихъ лѣтъ. Увѣряю васъ, что я все поняла, какъ нельзя лучше; я не такъ чужда свѣта, какъ вы думаете!

РАУЛЬ. Какая-же это фея могла вамъ все открыть?

СЮЗАННА. Эту фею вы часто со мною видѣли, но вѣроятно не замѣтили.

РАУЛЬ (*презрительно*). Служанка?

СЮЗАННА. Не болѣе того. Это служанка, которую я люблю и уважаю болѣе многихъ господъ; она замѣнила мнѣ мѣсто матери. Ея грубой нѣжности и здравому сужденію я обязана той опытностью, которую вы не думали во мнѣ найти. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я одна управляю домомъ, и сквозь дѣтскія грѣзы, мнѣ часто приходится составлять себѣ истинное понятіе о людяхъ. Васъ удивляютъ мои слова?... Какое же странное понятіе вы объ насъ имѣете!... Нѣтъ ни одной молодой дѣвушки, изъ числа тѣхъ, которыхъ вы такъ гордо осуждаете на занятіе одними нарядами, которая не въ состояніи была бы сказать вамъ то, что я говорю, еслибъ она смѣла,—и перенести то, что я переносу, еслибы Богъ послалъ ей эти страданія.

РАУЛЬ (*съ кротостью*). Сюзанна, выслушайте меня. Въ ваши лѣта все преувеличиваютъ. Положимъ, что въ этомъ несчастномъ разговорѣ, который вы случайно услышали, я говорилъ совершенную истину; неужели вы думаете, что чрезъ это вы дѣлаетесь какою-то исключительною жертвою? Молодая, мечтательная дѣвушка и пожилой мужчина, составляютъ большую часть нынѣшнихъ супружествъ. Многіе считаютъ даже хорошимъ признакомъ эту разницу въ лѣтахъ и чувствахъ, и я думаю, что человѣкъ пожилой и опытный можетъ быть не только другомъ, но и руководителемъ жены.

СЮЗАННА. Но зачѣмъ же вы жаловались на этотъ упадокъ духа, когда онъ такъ высоко цѣнится въ свѣтѣ?

РАУЛЬ (*съ неудовольствіемъ*). Повторяю вамъ, вы приписывали моимъ словамъ значеніе, котораго они вовсе не имѣли... Но впечатлѣніе сдѣлано, и теперь трудно его изгладить. Миѣ хотѣлось бы только убѣдить васъ, что съ вами не случилось ничего особеннаго, что на вашу долю не выпалъ несчастный жребій, и что многія молодыя дѣвушки,

ваши подруги, подвержены той-же участи! (*Сюзанна смѣется*). Вамъ это смѣшно?

СЮЗАННА. Мнѣ смѣшно, что вы сердитесь... кромѣ этого, я не вижу тутъ ничего смѣшнаго.

РАУЛЬ (*пожимая плечами*). Однимъ-словомъ, такъ уже созданъ свѣтъ; вы его не измѣните.

СЮЗАННА. Вы ошибаетесь; въ томъ, что касается до меня, я измѣню многое.

РАУЛЬ. И вы дурно сдѣлаете, увѣряю васъ. Всѣ молодыя женщины, подобно вамъ, создавали воздушные замки въ молодости; дѣйствительность сначала поражала ихъ, также, какъ и васъ; но кончалось тѣмъ, что онѣ спускались на землю, и дѣлались добрыми матерями семейства, и сколько извѣстно, никто не осуждалъ ихъ за это.

СЮЗАННА (*съ негодованіемъ*). Но другимъ доступно ли то знаніе, которымъ я вамъ обязана? Слышали-ли онѣ то, что вы заставили меня выслушать? Подозрѣваютъ ли онѣ хотя одну изъ тѣхъ жестокихъ истинъ, которыя однимъ разомъ растерзали мнѣ сердце?... Нѣтъ, онѣ, подобно мнѣ, обмануты... Увы! каждая изъ нихъ, подобно мнѣ, наполняетъ душу человѣка, котораго она любила, сокровищами своего собственного сердца, каждая объясняетъ по своему все, что она находитъ, все, что она предполагаетъ въ избранномъ ею человѣкѣ. Каждая подобная мнѣ думаетъ видѣть нѣмую привязанность въ задумчивой улыбкѣ, вызванной позорнымъ прошедшимъ,—нѣжную заботу въ пошломъ привѣтствіи волокиты... Я готова вѣрить,—если вы мнѣ это говорите,—что всѣ мужчины приносятъ въ приданое своимъ женамъ то, что вы мнѣ приносите: но бѣдныя дѣвушки этого не подозрѣваютъ, это составляетъ ихъ счастье, это извиняетъ ихъ... Боже мой! какъ низко должна упасть та женщина, которая, зная, какъ я знаю, къ какой развалинѣ она приковала свою пылкую молодость,—захочетъ принять отъ такого союза священное имя жены и матери? (*Въ изнеможеніи падаетъ на диванъ*).

РАУЛЬ (*подходя къ ней, съ замѣшательствомъ*). Вы удивляете меня, Сюзанна.. Чего вы хотите? чего вы требуете? объясните мнѣ... Выведите меня изъ этого затруднительнаго положенія.

СЮЗАННА (*печально*). Извините меня.. я не привыкла къ такимъ сценамъ... этого болѣе не случится.

РАУЛЬ. Но скажите, чего-же вы отъ меня требуете?.. Успокойтесь Сюзанна, умоляю васъ... Все можно еще исправить... (*Всторону*). Какъ я глупъ!

СЮЗАННА. Теперь мнѣ лучше... гораздо лучше... И такъ, если намъ нельзя разстаться, не навлекая на себя стыда, останемся супру-

гамп—для свѣта; но теперь, когда вы лучше узнали меня, Рауль, я надѣюсь, что вы повѣрите моей твердой рѣшимости быть для васъ, навсегда чужою. Вотъ ваша комната. (*Показываетъ ему на дверь*).

РАУЛЬ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери и потомъ останавливается*). Я повинуюсь вамъ, Сюзанна; но неужели вы будете требовать, чтобы мы разстались не только какъ чужіе, но и какъ враги? Если намъ суждено уже идти по одной дорогѣ, то не лучше ли оказывать другъ-другу то вниманіе, которое дѣлаетъ путешествіе пріятнымъ.

СЮЗАННА. О, на это я отъ души согласна.

РАУЛЬ (*садясь возлѣ нея*). Не можемъ-ли мы даже быть друзьями, Сюзанна, добрыми друзьями?... Вы улыбаетесь; слава Богу! Дайте мнѣ руку въ знакъ довѣрія. Вотъ такъ! И если когда-нибудь вы церемѣните ваши мысли, то пойдете, что я не злопамятенъ.

СЮЗАННА. Увидимъ.

РАУЛЬ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы шутите. Жизнь не романъ, Сюзанна.

СЮЗАННА (*печально*). А вѣрили-ли вы этому въ то время, когда вамъ говорили это старики? Полагались на опытность другаго, отказывались-ли вы отъ всѣхъ грѣзъ юности? Могли-ли вы подумать, чтобы природа ничего не вложила въ наше сердце, кромѣ обманчивыхъ надеждъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Вы искали... у васъ былъ свой романъ... романъ несчастный? Какъ быть! можетъ-быть вы искали его слишкомъ низко... Я не спрашиваю у васъ отвѣта... Что касается до меня, то я создала мой романъ въ васъ... съ вами, рука въ руку, я надѣялась окончить свой радостный или грустный путь... все-равно! Привязанность, которой я отъ васъ ожидала, могла заставить меня полюбить даже слезы. Я думала быть для васъ... о, не тѣмъ, чѣмъ вы для меня слѣзались, Рауль... (*Вдругъ останавливается*). Отдайте мнѣ ключикъ, который я вамъ дала...

РАУЛЬ. Вотъ онъ.

СЮЗАННА (*въ смущеніи*). Вотъ онъ!.. Вы даже не спрашиваете меня, къ чему можетъ служить этотъ ключикъ?

РАУЛЬ. Я ничего не смѣю спрашивать, Сюзанна.

СЮЗАННА. И хорошо дѣлаете; вы не стоите, чтобы я вамъ сказала. Къ тому-же, васъ только разсмѣшитъ моя наивность. (*Она показываетъ ему браслетъ на руку*). У меня явилась фантазія, что я люблю того, кто сниметъ этотъ браслетъ... отъ котораго у васъ ключикъ, и онъ долженъ полюбить меня... Отдайте мнѣ ключикъ.

РАУЛЬ (*отдавалъ ключикъ и подоидя къ ней съ нѣжностью*). Такъ вы мнѣ никогда, никогда его не отдадите, Сюзанна?

СЮЗАННА (*быстро вставая*). Когда у меня будетъ свой романъ. Но уже поздно; я устала.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Я также усталъ; кончимъ это, сударыня... Не понимаю, гдѣ у меня былъ умъ? Я понимаю васъ, хотя нѣсколько поздно. Вы хотите, чтобы нашъ бракъ напоминалъ времена Людовика XV. Пусть будетъ по вашему! Вспомните однако, что дамы того времени, не имѣя вашей наивности, умѣли, по-крайпей-мѣрѣ, согласить свою независимость съ уваженіемъ къ тому имени, которое онѣ носили. При этомъ условіи, которое надѣюсь, вы не находите слишкомъ строгимъ, будьте увѣрены въ моемъ совершенномъ равнодушіи. Ищите теперь себѣ романъ, найдите его даже; мое мщеніе будетъ заключаться въ вашемъ успѣхѣ.

СЮЗАННА (*едва слышнымъ голосомъ*). Это-ли дружба, которую вы мнѣ обѣщали?

РАУЛЬ. Должно простить, сударыня, человѣку, котораго звезда вдругъ превратилась въ потѣшную ракету... Съ этой минуты, клянусь вамъ, я не подамъ болѣе повода на меня жаловаться. Цѣлую ваши ручки; но помните, что я всегда исполняю то, что сказалъ. (*Уходитъ*).

(Сюзанна, блѣдная какъ смерть, вздрагиваетъ и протираетъ руки; она хочетъ вскрикнуть, но принуждаетъ себя удержатъ этотъ крикъ. Жанета показывается въ дверяхъ и бросается къ своей безчувственной госпожѣ).

ПЕРЕПИСКА.

Письма Рауля къ Жоржу.

ПИСЬМО 2.

Дю-Шени, 15 іюня.

Вотъ я и въ деревнѣ, Жоржъ.

Ты благодарись меня за довѣренность; въ-самомъ-дѣлѣ, она очень велика. Еслибы, кромѣ тебя, нашелся человѣкъ, знавшій тайну моего брачнаго дня, то я бы заставилъ его навсегда потерять память. Тебѣ же я самъ нозводилъ подслушать такія вещи, которыя въ состояніи заставить смѣяться надо мною мертвыхъ!... Но не обманись: я люблюмъ. Такого невѣрующаго, какъ я, трудно разувѣрить. Она любитъ меня, говорю я тебѣ. Въ-слѣдствіе такой истины, нашему приключенію, довольно

забавному сначала, угрожаетъ весьма обыкновенная развязка. Я въ этомъ увѣренъ.

Мы согласились заранѣе переѣхать въ замокъ Шенп, на другой-же день послѣ свадьбы. Въ девять часовъ, мадамъ д'Атоль прислала ко мнѣ свою старую фею, которую я охотиѣе назову въдьмою, чтобы попросить меня къ себѣ. Я нашелъ Сюзанну нѣсколько блѣдною и нерѣшительною, но улыбающеюся: у нея есть характеръ, увѣряю тебя. Я былъ любезенъ до глупости; мнѣ должно было загладить свою вчерашнюю грубость. Замѣтивъ это, она вспыхнула отъ радости и съ дѣтскою рѣзвостью оперлась на мою руку. Мы, какъ два голубка, стали спускаться съ лѣстницы. Дѣдъ ея, всегда любившій этикетъ, встрѣтилъ насъ внизу. Мы оба упали въ его объятія. Послѣ этого мы должны были войти въ залу, гдѣ ожидали насъ всѣ остатки свадьбы, двѣ тетки и кузены: глупая церемонія, отъ которой англичане всегда избавляютъ своихъ молодыхъ женъ. Насъ встрѣтили съ праздничными фizioноміями: Сюзанна была тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть: спокойною и натуральною.

Послѣ завтрака мы сѣли въ хорошенькую коляску, которую я включилъ въ число своихъ свадебныхъ подарковъ, вмѣсто торжественной колесницы. При всемъ томъ, я сѣлъ въ нее не триумфаторомъ: Сюзанна везла съ собою свою няньку, мою злѣйшую непріятельницу, а я тащилъ за собою Лермита.

Мы поѣхали. Кучеръ, въ пылу усердія, которое онъ считалъ, какъ нельзя болѣе приличнымъ, глупѣйшимъ образомъ разукрасился разноцвѣтными лентами. Вниманіе поселянъ, возбуждаемое этими эмблемами, несомно выказывалось на каждомъ шагу. Крестьяне и крестьянки, выбѣгая изъ воротъ, или выглядывая черезъ заборы, обмѣнивалась съ нашимъ кучеромъ значительными взглядами, и потомъ угощали насъ сладкими улыбками. Я сидѣлъ въ своемъ углу съ нахмуреннымъ и неподвижнымъ лицомъ. Сюзанна на каждую улыбку отвѣчала улыбкою и бросала деньги мальчишкамъ. Погода и деревенскіе виды составляли предметы нашего разговора. Разъ или два она спросила у меня названія разныхъ всходовъ на земляхъ, которыя мелькали мимо, и когда я скромно сознавался въ своемъ невѣдѣніи, она прерывала меня восклицаніями: Какъ! вы этого не знаете? Но это рожь, это овесъ, это пшеница! И она смѣялась, какъ ребенокъ.—Что за странная женщина!

Когда мы подъѣхали къ замку, мнѣ вздумалось спросить, чтобы сказать что-нибудь, не встрѣтитъ-ли насъ у воротъ ея староста рѣчью?

— Какой староста? спросила она: Жанъ-Бальи?

Я даже не улыбнулся.—Кстати, прибавилъ я, смѣясь, я представляю его вамъ, если позволите?

— О, непременно, отвѣчала она съ живостью... я буду ему очень благодарна! Другъ мой, въ женскомъ умѣ есть гибкость, разстроивающая всю нашу ученую тактику!

Миѣ никогда не случилось видѣть вблизи замокъ Шени. Представь себѣ аллею, какъ всѣ аллеи, замокъ, какъ всѣ замки, и кругомъ паркъ.

Вотъ Шени. Случалось-ли тебѣ проѣздомъ, видѣть сквозь рѣшетки, ограждавшія обѣ стороны дороги, бѣленькую виллу, обвитую зеленью, лужокъ передъ террасою, и на лужкѣ, при лучахъ заходящаго солнца, группу милостивыхъ дѣтей и хорошенькихъ женщинъ?—Это минутное видѣніе не оставляло-ли послѣ себя отраднѣйшій слѣдъ покоя и счастья? Не казалось ли тебѣ, что передъ тобою, какъ будто во снѣ, пронеслась идеальная будущность, въ которой чистыя семейныя радости смѣняются одна другою? — Миѣ пришло это на мысль. Чтобы поставить такую картину на сцену, здѣсь готовы всѣ декораціи. — Но я забылъ свою роль.—Другіе, проѣзжая мимо нашего замка, можетъ-быть также будутъ мечтать.

Цѣлая толпа ожидала насъ на дворѣ. Какъ только мы ступили на землю, Сюзанна исчезла, оставя меня посреди своихъ крестьянъ; я нѣсколько смѣшался, но потомъ сталъ обращаться въ разныя стороны съ общими вопросами. Сюзанна вскорѣ возвратилась, въ маленькомъ старинномъ чепцѣ, который впрочемъ очень идетъ къ ней. Она взяла меня подъ руку, и мы пошли осматривать замокъ, отъ погреба до чердака. Я старался дѣлать разныя любезныя замѣчанія, она болтала обо всемъ безъ умолку, открывала шкафы, показывала миѣ всѣ лѣстницы, печи и окна, объясняя всѣ послѣднія исправленія. Только въ то время, когда дѣло дошло до нашихъ комнатъ, она безмолвно указала миѣ на флигель, избранный ею для себя, и на другую половину, которую предоставляется занимать миѣ.—По-крайней-мѣрѣ, мы сосѣди.

Послѣ этого, она повела меня въ конюшню, гдѣ оставила одного, чтобы побѣжать въ кухню, откуда возвратилась съ большимъ кускомъ хлѣба и стала кормить свою лошадь. Она называетъ ее Джаффаръ; славная лошадь, но капризная и горячая, какъ увѣряетъ ея хозяйка. Джаффара заставили признаться въ этихъ недостаткахъ.

Вѣ-самомъ-дѣлѣ, Жоржъ, что это за женщина! — Другъ мой, миѣ жаль, что я забылъ то тайное предостереженіе, которое прежде наполнило меня какимъ-то ужасомъ при видѣ каждой дѣвицы.—Лицо женщины никогда не приводило меня въ смущеніе, но признаюсь, я не могъ безъ круженія головы видѣть эту пропасть, прикрытую цвѣтами, которую называютъ дѣвицею! Всѣ они похожи другъ на друга!—Тѣ, у ко-

торыхъ есть умъ, и у которыхъ его нѣтъ, которыя думаютъ, и которыя прозябаютъ, у которыхъ есть сердце, и у которыхъ, вмѣсто сердца, мыльный пузырь, всѣ онѣ похожи другъ на друга! Что онѣ знаютъ и чего не знаютъ, что онѣ говорятъ другъ-другу, при своемъ перешептываньи, въ чемъ онѣ признаются и что скрываютъ, этого не знаетъ никто изъ насъ! Еслибы насъ не увлекала судьба, кто-бы изъ насъ отдалъ-бы такъ слѣпо свою жизнь на жертву неизвѣстности! Подумай, что эта кукла, едва поселившись подъ одною съ тобою кровлею, вдругъ, въ твоихъ пзумленныхъ глазахъ, начинаетъ жить своею жизнью, принимать свой характеръ, свою волю; это растеніе, такъ долго содержавшееся подъ гнетомъ, вдругъ начинаетъ распускаться съ ужасающею быстротою. Эта закрытая урна, которую ты внесъ къ себѣ въ домъ, вдругъ открывается, и что-же изъ нея выходитъ? Война или миръ—можетъ-быть, счастье, можетъ-быть, одинъ нозорь. Женился ты на ангелѣ или на чудовищѣ,—ты узнаешь, но уже поздно.

Я не могу сказать, чтобы Сюзанна подходила подъ эту категорію; но легкіе оттѣнки, которые отличали ее отъ подругъ, могли-ли дать мнѣ понятіе объ этомъ разнообразномъ характерѣ. Не знаю, долженъ-ли я видѣть въ женѣ раздраженную львицу, или печальную голубку, раннюю ли испорченность, или высокую добродѣтель, кокетку, или ребенка, помѣщицу, или синій чулокъ?—Отвѣчай, я тебя спрашиваю.

Перебирая въ головѣ своей всѣ эти загадки, я пообедалъ съ большимъ аппетитомъ, потому-что—слушай меня, Жоржъ, какъ ты слушалъ-бы оратора—нѣтъ въ жизни непріятности, которая могла-бы заставить человѣка пренебречь обѣдомъ. Напротивъ, чѣмъ затруднительнѣе обстоятельства, тѣмъ болѣе необходимо подкрѣплять себя пищею. Кромѣ-того, что за обѣдомъ думаешь, еще лучше разсуждать послѣ обѣда.

— Вы курите когда ѣздите верхомъ, Рауль? спросила мадамъ д'Атоль, когда мы выходили изъ-за стола.

— Верхомъ, пѣшкомъ и на водѣ, сударыня, но никогда при дамахъ.

— Я прошу васъ сдѣлать для меня исключеніе. Я приказала приосѣдлатъ Джаффара.

Она явилась черезъ десять минутъ въ амазонкѣ темнаго цвѣта, въ студентской шляпѣ и въ кавалерійскихъ перчаткахъ. Мы пустились въ галопъ по старымъ лѣсамъ, окружающимъ паркъ. Я былъ объ ней, какъ о наѣзницѣ, очень невысокаго мнѣнія, потому-что прежде она всегда отказывалась ѣздить верхомъ; но это было кокетство своего рода, потому-что она ѣздитъ превосходно, и должно признаться, что во всемъ, что она дѣлаетъ, есть какая-то дѣтская прелесть.

Я остался несовсѣмъ доволенъ Джаффаромъ. Нужно сказать тебѣ, что лѣсъ раздѣляется на двое, не широкою, но довольно глубокою рѣкою. Изъ любви къ живописному мѣстоположенію, избрали самые крутые берега для того, чтобы перебросить черезъ нихъ мостъ, выкрашенный бѣлою краскою и огражденный простыми деревянными перилами. Миѣ кажется, что подъ мостомъ нарочно прорыли оврагъ, чтобы устроить тутъ родъ водопада и придать болѣе дикости картицѣ; знаю только, что подъ ногами реветъ адскій водоворотъ. Мы ѣхали шагомъ, и я былъ нѣсколько позади; но видя, что Джаффаръ начинаетъ прыгать и поднимаетъ уши, подъѣзжая къ мосту, я догналъ Сюзанну. Джаффаръ наконецъ рѣшился взойти на мостъ; но вдругъ, на ередняѣ, проклятое животное дѣлаетъ полъ-оборота и поднимается на дыбы, перекинувъ двѣ переднія ноги за перилы. Я поспѣшилъ на помощь въ самомъ несчастномъ расположеніи духа. Не подходите! закричала Сюзанна: видите, онъ бонется! и начинаетъ вполголоса успокоивать свою негодную клячу, лаская ее, какъ теленка. Это продолжалось съ минуту, послѣ чего интересный Джаффаръ докончилъ свой полъ-оборотъ, и упалъ на переднія ноги передо мною. Надѣюсь, что вы велите продать это чудовище, сказалъ я, съ нѣкоторою живостью. — О, нѣтъ... онъ бонется, бѣдный Джаффаръ... Онъ не былъ въ Африкѣ... но увѣряю васъ, что онъ очень послушенъ... Посмотрите... И она снова повернула на мостъ. Сюзанна! вскричалъ я. Но Сюзанна уже перелетѣла мостъ. Миѣ оставалось только скакать вслѣдъ за нею. Я и поскакалъ.

Мы возвратились, когда наступала уже ночь, маленькій старомодный чепчикъ снова явился на горизонтѣ. Я просилъ ее сыграть мнѣ вальсъ. Она сыграла мнѣ два. Прислонясь къ окну, которое было открыто въ этотъ теплый и тихій вечеръ, я былъ тактъ съ самодовольнымъ видомъ знатока. Извѣстно, что вечеръ смягчаетъ души, и какъ извѣстно также, что я фать, то я и предположилъ, что эта минута будетъ развязкою нашего смѣшнаго положенія. Я имѣлъ нѣкоторыя причины на это разсчитывать, потому-что въ то время, какъ одна рука Сюзанны небрежно искала позабытыя ноты третьяго вальса, маленькій чепчикъ слегка наклонился, и рука неподвижно остановилась на клавишахъ. Тяжелый вздохъ или заглушаемое рыданіе долетѣло до моего слуха. Я подошелъ и сказалъ, принимая нѣжный и покровительственный тонъ: вы плачете, Сюзанна? — Отвѣта не было. Я подхожу еще ближе... Представь себѣ, Жоржъ, она спала!

Я никогда не прощу себѣ той досады, съ которою я оттолкнулъ отъ себя ноты, лежавшія на роялѣ. Сюзанна тотчасъ вскочила на ноги, посмотрѣла меня такимъ взглядомъ, который обезоружилъ бы тигра; по

у тигровъ нѣтъ самолюбія. Вы едва не сожгли себя, сказалъ я сухо. Боже мой, какъ я неосторожна! прошептала она. Давно ли?... Увѣряю васъ, мнѣ такъ хотѣлось спать....

— Очень вѣрю. Я видѣлъ по лицу ея, что она не знала, смѣяться ей, или плакать, и не ожидая, чѣмъ это кончится, я сказалъ нѣсколько словъ объ усталости, зажегъ свѣчу и подаль ей (женѣ моей) руку. Она спустилась вмѣстѣ со мною нѣсколько ступенекъ, и потомъ, сдѣлавъ мнѣ низкій поклонъ, исчезла въ лѣвомъ флигелѣ; я тоже расположился въ своей комнатѣ, но прежде выгналъ оттуда Лермита.

Послушай: что она ни дѣлай, ей никогда не выбить изъ моей головы той мысли, что она меня любитъ.

R. S. Не знаю, найдешь ли ты смѣшною или обидною мою просьбу — не прѣзжать сюда, пока вся эта исторія чѣмъ-нибудь не кончится?

III.

Дю-Шени, 25 іюня.

Представь себѣ: я скучаю. Мой страдальческій вѣнокъ начинаетъ превращаться въ ночной колпакъ. Для того, чтобы шутка цѣлые десять дней не теряла своей остроты, нужно, чтобы она была превосходна, а эта шутка далека отъ этого. Я предполагалъ весьма основательно, что Сюзанна будетъ стараться возбудить мою ревность: это самая обыкновенная уловка женщинъ; ничего не бывало. Можно подумать, что мадамъ д'Атоль нашла въ своемъ замужствѣ верхъ семейнаго счастья и цѣль всей жизни. Пусть будетъ такъ.

Привсемъ томъ мнѣ досадно, что надѣлали такъ много шума, чтобы тѣмъ и кончить. Я вполне оцѣнилъ то, что нашелъ законнаго въ ея гнѣвѣ и справедливаго въ ея упрекахъ. Еслибы слова оправдались на дѣлѣ, еслибы эта молодая женщина смѣло — въ моихъ глазахъ — вздумала бы привести въ исполненіе свои мечты, я, по-крайней-мѣрѣ, отдалъ бы справедливость твердости ея характера; но послѣ сцены, послѣ слезъ, фразъ — ничего! Это просто капризъ избалованнаго ребенка.

Когда я вижу ее въ креслѣ, прилежно-занятую вышиваньемъ, съ спокойствіемъ на лицѣ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, я чувствую, что возненавидѣлъ бы ее, еслибы еще былъ въ состояніи ненавидѣть. Что сказать тебѣ о нашей жизни? Это золотая и шелковая ткань со всеми прелестями сельской жизни. Что мнѣ рассказывать, Жоржъ? Сновъ невинности не рассказываютъ. Я собираюсь купить себѣ свирѣль, и расхаживать по окрестностямъ. Мнѣ не достаетъ только

посоха, чтобы сдѣлаться настоящимъ пастушкомъ. Надо сказать тебѣ, что это мѣсто раздѣлено на безчисленное множество фермъ. Сюзанна не оставила ни одного поля, ни одного стойла безъ того, чтобы не показать ихъ мнѣ. Рогатый скотъ дефилировалъ передо мною цѣлые десять дней, и могу даже прибавить —десять ночей, потому—что я видѣлъ его и во снѣ. Ихъ различныя породы, ихъ нравы, обычаи, теперь мнѣ все извѣстны. Не хочеть ли мадамъ д'Атоль испытать до конца мою любезность? Не начинается ли этимъ мщеніе? Когда она стала испытывать мои познанія въ коровахъ и баранахъ, я имѣлъ глупость отвѣчать ей этою неумѣстною фразою. У стараго каннибала, привезеннаго въ Европу, спросили однажды, не зналъ ли онъ француза Лере? — Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ онъ, я его съѣлъ.

Вмѣсто развлеченій, мы дѣлаемъ по сосѣднимъ голубятнямъ визиты, которые отдають намъ, къ довершенію благополучія. Знакомясь съ сосѣдами, я начинаю понимать снокоичество Сюзанны. Это картина, успокоивающая чувства. До-сихъ-поръ я еще лучше всѣхъ одѣтъ и наружность моя болѣе другихъ подходитъ къ идеѣ, которую составляютъ себѣ о героѣ романа. Нечего дѣлать, ей придется на что-нибудь рѣшиться.

Я запечаталъ письмо и бросился на широкій диванъ, который, по моему мнѣнію, составляетъ лучшее украшеніе моей библіотеки, когда два удара въ дверь заставили меня вскочить на ноги. Вслѣдъ за тѣмъ изъ дверей показалась бѣлокурая головка, потомъ безпокойный и почти робкій взглядъ, и дрожащій голосокъ спросилъ меня: Вы заняты?

Еще въ первый разъ она перешла нашу границу. Удивленіе, не-описанное, на моемъ лицѣ, вызвало яркой румянецъ на лицо молодой нескромницы.

— Занятъ, нѣтъ.... Ослѣпленъ, сознаюсь.

— Могу ли я просить у васъ аудіенціи?

— Когда угодно!

— Вы подождете меня съ четверть часа?

— Сударыня!—Но она исчезла.—Чортъ возьми эту четверть часа; она все портитъ; но я пользуюсь ею, чтобы сообщить тебѣ такой необыкновенный случай. Жизнь моя до такой степени сдѣлалась мелочною, что песчинка занимаетъ въ ней мѣсто горы. До свиданья, Жоржъ, вотъ она.

Она вошла, съ трудомъ неся подъ рукою цѣлую кипу сѣрыхъ бумагъ. Она положила ихъ на столъ, съ котораго поднялось облако пыли, издававшее могильный запахъ. — Боже мой! что это такое? спросилъ я. — Здѣсь отвѣчала она, пресерьозно садясь передо мной, грамоты, заемныя письма, квитанціи и вообще всѣ статьи, касающіяся до пяти

фермъ, составляющихъ наше помѣстье Шени, считая въ томъ числѣ и объ мельницы. Дѣдушка, увѣрявшій, что надъ этими бумагами онъ потерялъ зрѣніе, даже не отряхнулъ съ нихъ пыли, фи! какъ это грязно, и она хлопала своими маленькими ручками съ какимъ-то смѣлымъ ужасомъ. — Нужно привести все это въ порядокъ, прибавила она. — Но Сюзанна, если фермеры платятъ и мельницы вертятся, то мнѣ кажется, что все находится въ порядкѣ.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, въ которомъ видно было даже презрѣніе. — Какъ! вскричала она, вы думаете, что все это идетъ само собою? . . . Вы все еще считаете себя въ Парижѣ? . . . Скажите, кто занимается вашими дѣлами?

— Во-первыхъ, мой нотаріусъ, а послѣ него мой управляющій, къ которому я отправлю весь этотъ хламъ.

— Этого я ни за что не позволю. Если вамъ неприятно будетъ разбираться эти дѣла и слѣдить за ними, то я попрошу у васъ позволенія взять это на себя, хотя мнѣ многому нужно будетъ учиться.

— Но нельзя ли узнать, къ чему поведетъ этотъ скучный и бесполезный трудъ? спросилъ я.

На это она начала рассказывать мнѣ длинную исторію, изъ которой я узналъ, сквозь дочернюю скромность, что мой покойный тесть, генералъ дю-Шени, былъ порядочный мотъ. Онъ вполне ввѣрился мошеннику управляющему, который отдавалъ ему за большіе проценты въ долгъ доходы съ его собственныхъ земель. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро, полицейскіе явились въ домъ генерала. Онъ имѣлъ въ то время, кромѣ дома въ Парижѣ и замка Шени, еще помѣстье въ Нормандіи; но при ловкости управляющаго, казалось, что всего этого недостаточно будетъ для уплаты долговъ. Генералъ ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о своемъ намѣреніи застрѣлиться, и болѣе всего говорилъ объ этомъ женѣ, которую раззорилъ. Мадамъ дю-Шени умѣла однако успокоить мужа; она увезла его въ тотъ замокъ, гдѣ мы теперь живемъ, продавъ домъ въ Парижѣ и помѣстье въ Нормандіи. Тесть мой кричалъ и жаловался, что его увезли въ деревню, чтобы уморить со скуки. Черезъ двѣнадцать лѣтъ теща совершенно очистила отъ долговъ замокъ дю-Шени и накопила до двадцати тысячъ франковъ годового дохода. Сдѣлавъ все это, она умерла черезъ двѣ недѣли, послѣ рожденія Сюзанны. Бѣдная женщина, Жоржъ!

Что касается до генерала, то онъ и до-сихъ-поръ пользовался бы совершеннымъ здоровьемъ, еслибъ не сломалъ головы, упавъ съ лошади.

Какъ бы то ни было, но мадамъ дю-Шени, умирая, передала своей дочери ненависть къ управляющимъ, черезъ старую служанку. До сво-

его замужства, Сюзанна предоставляла заботиться о своихъ доходахъ дѣду, бывшему ея опекуномъ. Ты видѣлъ этого милаго старика; онъ добрѣйшій изъ людей, но ничего не смыслить въ дѣлахъ.

Вотъ почему всю эту работу взвалили на меня. Это не очень меня радуетъ, но скажи, есть ли возможность оставить всю эту тяжесть одной Сюзаннѣ?

Вотъ до чего я дошелъ, Жоржъ. И ты думаешь, что она этимъ удовольствуется: ничего не бывало! Оставляя меня наединѣ съ этою кучею бумагъ, она не могла скрыть какого-то адскаго самодовольствія. Напротивъ, въ душѣ ея пламя тайнаго мщенія, или она просто забавляется, усаживая Геркулеса за прялку. Ея мельницы — смѣшно подумать! Хорошо, что она еще не заставляетъ меня носить оттуда муку. Прощай, Жоржъ.

IV.

Шени 10 іюля.

Я едва нахожу время, чтобы писать къ тебѣ, Жоржъ. Въ простотѣ своей, я вообразилъ, что нѣсколькихъ часовъ достаточно будетъ для исполненія возложенныхъ на меня порученій; но все это было для меня до такой степени ново, что я долженъ былъ пріяняться за изученіе хозяйства. Я прочелъ, не переводя духа, всѣ пять частей. «*Новыйшаго домохозяина*», съ картинами; просмотрѣлъ судопроизводство и нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нашимъ деревенскимъ нотаріусомъ? Чего я не дѣлалъ! ходилъ даже за совѣтами къ Жану Базьи, самому опытному изъ нашихъ фермеровъ. Всего важнѣе было узнать, сколько можетъ дать дохода каждая ферма. Я наконецъ достигъ до этого. Оказывается, что одинъ изъ пяти нашихъ фермеровъ мошенникъ, такъ, что я выгналъ его вонъ. Такимъ образомъ за его фермою придется смотрѣть мнѣ самому. Прибавь еще къ этому перестройки, пересаживаніе деревьевъ, поправку дорогъ и мельницъ, однимъ—словомъ, цѣлый міръ презабавныхъ удовольствій.

Признаться ли тебѣ, Жоржъ, что принявшись за это дѣло съ неохотою, я кончилъ тѣмъ, что полюбилъ его. Поэтому, если мадамъ д'Атоль приковала стараго льва къ деревенской сохѣ съ цѣлью отместить мнѣ, то ея цѣль недостигнута. Напротивъ, я ощущаю какое-то самодовольствіе. Впрочемъ, мадамъ д'Атоль чрезвычайно со мною любезна. Мы видимся рѣдко, но встрѣчаемся всегда съ церемоніями, которыя дѣлаютъ изъ нашего замка маленькій Версаль, и что за комплименты!—Какъ вы прелестны

сегодня утромъ, или, если это вечеромъ: какъ вы прелестны сегодня вечеромъ; — однимъ-словомъ, всё сокровища разговора.

Я ошибся. Есть по сосѣдству трое молодыхъ людей, не дурно одѣтыхъ, хорошо ѣздящихъ верхомъ, изрядныхъ вальсеровъ, которые носятъ розы въ петличкахъ. Ихъ называютъ: ces messieurs. Должно быть, сестрицы ихъ очень полюбили Сюзанну, потому-что по восьми разъ въ недѣлю присылаютъ своихъ братцевъ съ разными посылками, нѣтами, вышивками и другимъ вздоромъ.

Вчера Сюзанна, въ костюмѣ пастушки, вышивала у своего окна. Я возвращался съ поля.... Я просунулъ голову въ окно ея будуара и пожелалъ ей добраго утра. Она вздрогнула и потомъ сдѣлала мнѣ пренизкій поклонъ.—Посмотрите, какой вы смѣшной, сказала она, садясь; вѣрно очень пыльно? — Это не пыль, сударыня, имѣю честь донести, но мука. — Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала она, съ удивленіемъ устремивъ на меня свои большіе глаза: у васъ даже волосы покрыты мукою. И съ дѣтскою живостью она встала, протянувъ ко мнѣ руку, какъ будто желая оказать мнѣ маленькую услугу, которой требовало мое положеніе; но вѣроятно ей показалось, что эта короткость переходитъ назначенныя границы, потому-что она вдругъ покраснѣла и въ смущеніи опустилаея на диванъ. Право, она очень мила, и эта непринужденность придаетъ ей какую-то особенную прелесть.

— А вашъ романъ, дитя мое? спросилъ я тихо. Я видѣлъ, какъ иголка задрожала надъ вышиваеьемъ, какъ магнитная стрѣлка.—Боже мой, сказала Сюзанна, какъ вы торопитесь!—Я не тороплюсь, я ожидаю.—Когда она говорила это, позади меня послышался топотъ кавалькады: это были трое молодыхъ людей, нашихъ сосѣдей. Я взглянулъ на Сюзанну съ улыбкою. Она покраснѣла и нѣсколько разъ покачала головою. Это вѣроятно значило: ихъ число составляетъ вашу силу.

Какой странный характеръ у этой женщины! Еслибы въ моей памяти не была свѣжа сцена въ день моей свадьбы, еслибы этотъ потокъ горькихъ, язвительныхъ словъ не раздавался еще въ моихъ ушахъ, то я никогда не въ состояніи былъ-бы вообразить, чтобы гроза могла таиться въ этой дѣтской груди, что на этой гладкой поверхности бываетъ буря! Жоржъ, вотъ ея жизнь: утромъ я вижу изъ окна, какъ она ходитъ по росѣ отъ дерева къ дереву, обрѣзывая, подстригая, срывая цвѣты, чтобы потомъ принести ихъ въ свой будуаръ. Тутъ является новое занятіе: всё эти цвѣты разставляютъ въ вазы, съ помощью неизбѣжной Жанеты, и потомъ она садится въ свою искусственную рошу, какъ царица цвѣтовъ, и оттуда отдаетъ приказанія. Послѣ завтрака выводятъ Джаффара, и она ѣдетъ со мною или безъ меня. Черезъ

часть она возвращается, и все въ домѣ оживаетъ.—Гдѣ моя иглка? мое вышиванье? мое платье? (она иногда сама шьетъ себѣ платья). Вчера я видѣлъ, какъ она кроила рубашечку для ребенка; не знаю, для кого это. Прибавь къ этому визиты, которымъ нѣтъ конца, особенно по вечерамъ, музыку и бесѣды съ человѣкомъ, который до-сихъ-поръ одинъ только можетъ считаться моимъ соперникомъ.

Это деревенскій пасторъ, который крестилъ Сюзанну. Онъ обѣдаетъ у насъ по воскресеньямъ, и потомъ запирается съ нею и выходитъ всегда съ торжествующимъ видомъ со связкою бумагъ. Миѣ кажется, у нихъ есть сироты, которымъ они дѣлаютъ добро.

Я не могу любить этого ребенка, я не могу любить, но если все это не комедія, если она въ-самомъ-дѣлѣ хочетъ заглушить огонь сердца набожностью, и разсѣять въ добрыхъ дѣлахъ всю страсть юности, то я еще не такъ низко упалъ, чтобы не уважать ее, не удивляться ей глубоко. Не знаю, достигнетъ ли она этого. Все-равно! я буду помнить, что она имѣла это намѣреніе. Прощай.

Р. S. Я позабылъ сказать тебѣ объ открытіи, которое нѣсколько до тебя касается. Я ходилъ, какъ тебѣ извѣстно, за совѣтами къ Жану Бальп, мудрѣйшему изъ мудрыхъ. Просидѣвъ съ нимъ часа три, я сбирался уже уходить, когда онъ объявилъ, что хочетъ кое-что миѣ показать... Спустился къ намъ, закричалъ онъ громко, и я не могъ скрыть своего удивленія, увидя молодого человѣка, который какъ двѣ капли воды походитъ на тебя, Жоржъ. На немъ былъ мундиръ твоего полка, что еще болѣе меня обило, твой ростъ, твои глаза, твои манеры, но какая-то болѣзненная блѣдность на лицѣ. Онъ уже цѣлый мѣсяць живетъ у своего дяди, Жана Бальп. Онъ раненъ въ грудь, и по совѣту докторовъ спитъ въ колюшкѣ. Онъ не въ твоёмъ батальонѣ, и знаетъ тебя только по имени. Я просилъ его приходитъ безъ церемоній въ мой паркъ и распоряжаться моими лошадьми. Я показалъ ему мѣсто, гдѣ можно перешагнуть черезъ плетень, чтобы не обходить кругомъ. Мы довольно часто его видимъ. Разговоръ его очень миѣ нравится, но въ немъ много восторженности. Даже и въ этомъ въ васъ есть сходство. Сюзанна истощаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать ему, что онъ непозволительно толстѣетъ, потомъ смѣется надъ его конюшнею, и всегда развеселитъ и разсѣетъ его. Бѣдняжка! — Сюзанна замѣтила его въ церкви, и также поражена была сходствомъ съ тобою. Но Жоржъ де Вернонъ лучше, прибавила она, потому-что у него рубецъ на лицѣ. Прощай, до свиданія.

27 іюля. Шени.

Радуйся, Жоржъ, мой овесъ взошелъ. — Какъ, весь? — Да, весь — я говорю собственно про ту ферму, которою управляю; другія до меня не касаются. И какой овесъ, другъ мой! Мы прежде всего скосили дальнее поле, которое ближе къ рѣкѣ. Обѣ мои мельницы дѣйствуютъ такъ хорошо, что я строю третью.

Это изъ полѣ. Дома я часто пишу до глубокой ночи; привожу въ порядокъ и записываю содержаніе всѣхъ бумагъ, которыя дала мнѣ Сюзанна. При этихъ занятіяхъ, мнѣ часто приходятъ на умъ нѣкоторыя размышленія, которыя меня самого удивляютъ. Жоржъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что праздность есть не только дурной расчетъ лѣни, но даже визость. Жизнь, посвященная только самому-себѣ, недостойна человѣка. О, какъ-бы я желалъ новою половиною жизни выкупить свое прошедшее?

— А Сюзанна? — Не знаю, что тебѣ сказать о ней. Ея образъ жизни не измѣнился, несмотря на усиленные атаки трехъ мушкетеровъ: они слишкомъ часто пріѣзжаютъ въроемъ, для того, чтобы это могло меня безпокоить. Я замѣчаю, утромъ и вечеромъ, неизвѣстныя мнѣ прогулки съ доброю Жанетою; но бѣлье и новое дѣтское платье, которое уносятъ съ собою въ уздахъ, разрѣшаютъ всѣ предположенія.

Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ, страшная гроза разразилась надъ деревнею. Это случилось въ то самое время, когда у насъ обыкновенно бываютъ сосѣди, потому-что печальное *tête à tête* нашего перваго вечера болѣе не возобновлялось. Случайно, или нарочно, но всякой вечеръ или мы въ гостяхъ, или у насъ гости. На этотъ разъ, ужасная погода сдѣлала то, что мы оставались одни. Казалось, эта мысль очень занимала Сюзанну, которая, прильнувъ лицомъ къ окну, наигрывала пальцами на стеклахъ какой-то неизданный маршъ, между тѣмъ, какъ я перелистывалъ альбомъ съ бѣлыми страницами. Принесли лампы. Сюзанна вдругъ обернулась, и, откативъ кресло къ пальямъ, принялась за работу. Я всталъ и началъ подвигаться къ дверямъ медленно, останавливаясь у вазъ съ цвѣтами, чтобы прикрыть свое бѣгство. — Если вы хотите заниматься въ моемъ будуарѣ, сказала припопнямая Сюзанна, то я могу работать на верху.

— Если непременно необходимо, чтобы одинъ изъ насъ ушелъ отсюда наверхъ, то позвольте мнѣ это сдѣлать, сударыня.

— Боже мой! вѣдь есть люди, которые не могутъ работать... писать вмѣстѣ.

Не помню, что я отвѣчалъ, но послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ фразъ, стащилъ сверху свою огромную книгу и разложилъ ее на столѣ, противъ пялецъ. Каково, Жоржъ!

Между-тѣмъ удары грома заставляли дрожать замокъ; дождь и вѣтеръ били въ окна. При каждомъ новомъ ударѣ, мы вмѣстѣ поднимали голову, съ улыбкою смотря другъ на друга, и какъ-будто говоря: какая страшная гроза!

Ей понадобилась не помню какая вещь, позабытая на кушеткѣ, на другомъ концѣ залы. Возвращаясь назадъ, она остановилась на минуту позади моего стула, и я почувствовалъ, что она наклонилась надо мною, какъ вѣтка склоняется подъ тяжестью своихъ цвѣтовъ. Къ счастью, моя счетная книга была открыта на самой блестящей страницѣ, и я былъ въ восторгѣ.

Время шло. То я спрашивалъ ее о назначеніи лоскутка матеріи, которой ее маленькій наперстокъ разглаживалъ складки, то она осведомлялась о моихъ хозяйственныхъ занятіяхъ; потомъ мы спорили о Мейербергѣ, о Россіи, и наконецъ углубились въ теорію громоотводовъ.

Какъ обыкновенно случается, мы говорили только для того, чтобы имѣть право молчать. Какъ только молчаніе перестало быть намъ въ тягость, мы не прерывали его. Утомясь дневными заботами, я съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ, тѣмъ болѣе, что ароматы цвѣтовъ и зелени, бросаясь въ голову, приводилъ меня въ какое-то забытье. Все мнѣ казалось какъ-будто во снѣ. Я поднималъ свои утомленные глаза и взглянулъ на Сюзанну: видно было, что она старалась возвратитъ потерянное время. Я едва различалъ въ тѣни граціозный изгибъ ея шеи, сложенной, какъ шея лебедя, который погружается въ воду, но свѣтъ лампы освѣщалъ ея лицо, и играя въ волосахъ, казалось, разсыпалъ по ея бѣлокурой головкѣ блестящія искры; глаза ея внимательно слѣдили за быстрымъ движеніемъ иглолки. Эта милая женщина, своею покорностью судьбѣ и своею ангельскою кротостью выражаетъ всѣ семейныя радости и обязанности; все вокругъ нея дышитъ отрадою и спокойствіемъ. Можно-ли жаловаться тому, кто послѣ дневныхъ работъ находитъ ея милый образъ у своего домашнего камина?.. Эта мирная семейная картина, въ которой какъ-будто тѣнѣе сближала насъ буря, ревѣвшая на дворѣ, странно дополнялась въ моемъ воображеніи. Мнѣ казалось, что между нами мелькали воздушныя и нѣжныя формы, безпрестанно переходившія другъ къ другу, и составлявшія звѣнья цѣпи, которою соединены были два наши сердца. Да, если что-нибудь можетъ напоминать намъ счастье на землѣ, то конечно подобное видѣніе. Если Богъ посылаетъ намъ награду послѣ

труда, и утѣшеніе вслѣдъ за испытаніемъ, то и то и другое было у меня передъ глазами.

Нѣсколько разъ Сюзанна, удивленная моимъ упорнымъ молчаніемъ, бросала на меня бѣглые взгляды. Постоянно встрѣчаясь съ моими взглядами, она опускала свои глаза. Этотъ болѣзненный сонъ, эти мысли утомляли меня. Было довольно поздно; я всталъ. Сюзанна встала въ ту же минуту. Я подошелъ къ ней, и поцѣловалъ ее въ лобъ; рука ея дрожала въ моей рукѣ. Я вышелъ потомъ, не сказавъ ни слова, какъ-будто подъ вліяніемъ какого-то волшебства.

Эти цвѣты для меня вредны, вотъ и все. Прощай, другъ мой.

VI.

Шени. 10 августа.

Я возвращаюсь съ бала; теперь три часа утра. Довольно непріятное происшествіе заставляетъ меня къ пяти часамъ быть на ногахъ. Чѣмъ ложиться спать, я раздѣлю это время съ тобою.

И такъ я возвращаюсь съ бала. Знаю, что при этомъ словѣ ты смѣешься, Жоржъ. Въ твоёмъ воображеніи являются всѣ подробности сельскаго бала, танцы на лужкѣ, пьяные музыканты на бочкахъ, запахъ кухни на чистомъ воздухѣ, меръ, прогулывающійся съ приличною важностью... Равувѣрься, Жоржъ, мы не провинціалы... Я говорю о балѣ, а не о деревенскомъ праздникѣ. Мы были званы къ графинѣ А^{***}, которой замокъ отъ насъ въ трехъ миляхъ. Графиня А^{***}, мать графа Фредерика, самаго скромнаго и самаго опаснаго изъ трехъ мушкетеровъ, поклявшихся погубить меня. Второй изъ этихъ господъ, Леопольдъ де-Лобрианъ, славный охотникъ и предприимчивый малый. Третьяго я даже не назову, потому-что онъ глухъ, какъ пень. Нужно сказать тебѣ, что онъ путешествовалъ къ полюсу, и вечеромъ, когда онъ рассказывалъ Сюзаннѣ о пляскѣ эскимосовъ, я просилъ его показать намъ эту пляску. Онъ былъ такъ добръ, что согласился. Эта просто пляска медвѣдей. Сюзанна не можетъ видѣть его безъ смѣха.

Мы приѣхали около десяти часовъ. Балъ съ перваго взгляда ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ баловъ. Графиня А^{***} свѣтская женщина, и все, что зависѣло отъ нея, было превосходно; къ несчастію, вкусы и туалеты дамъ были внѣ ея власти. Не стану описывать тебѣ ни платьевъ изъ утрехтскаго бархату, ни всѣхъ нестрыхъ цвѣтовъ, ни перьевъ, ни тюбановъ, которые красовались по стѣнамъ залы, какъ трактирные фрески, или новыя обои. Сколько тюбановъ, другъ мой! Я подумалъ, право, что я въ Багдадѣ.

Въ этой пестрой смѣси, Сюзанна отличалась, признаюсь тебѣ, свѣжестью и простотою своего туалета. Она очень любитъ балъ, и вальсъ въ-особенности. Она вальсируетъ съ увлеченіемъ, можно сказать, со страстью. Останавливаясь, чтобы перевести духъ, ножка ея дрожитъ на паркетѣ и нетерпѣливая дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Право, тотъ, кто выдумалъ танецъ, не былъ женатъ. Я самъ предпочитаю ему пляску эскимосовъ.

На женщинъ, недавно вышедшихъ замужъ, какъ-то мало обращаютъ вниманія въ свѣтѣ. Однако Сюзанна всегда окружена толпою. Правда, что между нами никто не можетъ замѣтить ни страстныхъ взглядовъ, ни вздоховъ, ни отдаленія отъ общества, которыми измѣняютъ себѣ молодые влюбленные супруги. Мы показывали другъ-другу вниманіе, но болѣе ничего, а это ободряло молодыхъ людей. Они догадываются, что тутъ кроется горе, которое, можетъ-быть, нуждается въ утѣшителѣ. Каждый показывалъ это по своему: графъ Фредерикъ припимаетъ видъ задумчиваго пажы, а Леопольдъ по своему старается быть любезнымъ, перенося, напримѣръ, кресла черезъ головы гостей. Не правда ли, какъ это мило?

Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, я буду сохранять нейтралитетъ, который обѣщалъ Сюзаннѣ, до границъ возможности; по крайней-мѣрѣ, если попадусь, то попадусь не въ расплохъ. Правда, это довольно жалкая выгода.

Жюль Балль, тотъ офицеръ, который такъ на тебя похожъ, очень милый молодой человекъ. Я очень удивился, увидя его на балѣ. Я зналъ, что черезъ Сюзанну онъ также получилъ приглашеніе, но досихъ-поръ онъ всегда отказывался, подъ предлогомъ разстроенаго здоровья. Думая, что ему лучше, я очень радъ былъ его видѣть; но потомъ сожалѣлъ, что онъ явился на балъ.

Прежде всего я услышалъ, какъ тюраны вполголоса перебирали родословную этаго молодаго человекъ; ты помнишь, что онъ племянникъ моего фермера. Не скажу, чтобы я сталъ защищать его, — да отъ чего было защищать его? Но я рассказалъ нѣсколько случаевъ изъ его военной жнани, думая всѣхъ успокоить. Ничего не бывало. Тутъ собралась вся наша знать. Деревенская аристократія недовѣрчива... Но перейдемъ къ дѣлу. Жюль Балль танцовалъ съ Сюзанною. Довольно хорошенькая дѣвица, Елена де-Лобріанъ, сестра центавра Леопольда, обѣщала твоему Созію танцовать съ нимъ слѣдующій вальсъ; но когда онъ подошелъ къ ней, она отвѣчала, краснѣя, что, вѣроятно, онъ ошибается, и что она уже на все ангажирована. Балль старается доказать свои права, но въ это время является Леопольдъ и изъясняетъ

удивленіе, что не вѣрятъ слову Лобріановъ. Молодой офицеръ наконецъ угадываетъ истину. Онъ вздрагиваетъ, измѣняетъ свой почтительный видъ, и прямо смотря въ лицо Лобріану, говоритъ ему глухимъ голосомъ, раздавшимся въ концахъ залы: Вы, милостивый государь, считаете меня слишкомъ недогадливымъ; я понимаю, хотя и поздно, что я недостойнъ прикоснуться къ перчаткѣ вашей сестрицы, но надѣюсь, что вы не откажете мнѣ имѣть честь дотронуться до вашей. — Милостивый государь, холодно отвѣчалъ де-Лобріанъ, я не имѣю удовольствія знать васъ... неприлично продолжать здѣсь этотъ разговоръ... Но вѣроятно вы имѣете здѣсь кого-нибудь изъ знакомыхъ... и я къ его услугамъ. Одобрительный ронотъ послѣдовалъ за этимъ отвѣтомъ, давая еще болѣе почувствовать обиду. Видно было, что большая часть держала сторону обидчика. Глаза молодого офицера блуждали по залѣ въ какомъ-то отчаяніи; на блѣдномъ лицѣ его написано было страданіе. Никогда болѣе краснорѣчиваго, болѣе трогательнаго призыва не обращалъ человѣкъ къ своимъ подобнымъ. Никто не двигался. Какіе бываютъ подлые люди! Я пришелъ бы ранѣе, но былъ въ это время далеко, и съ успіемъ освободилъ свою руку отъ руки Сюзанны, которая невольно прижалась ко мнѣ при этой сценѣ. — Здѣсь, отвѣчалъ я Лобріану, тотъ другъ, котораго вы требуете. Г. Бальи, прибавилъ я, прошу васъ позволить мнѣ принять это имя, которымъ я вполне горжусь. — Молодой человѣкъ пожалъ мнѣ руку, и въ его влажныхъ глазахъ я прочелъ выраженіе, которое напомнило мнѣ твой взглядъ, Жоржъ, когда я былъ такъ счастливъ, что снасъ твоего брата.

Мы вышли всѣ трое, и графъ Фредерикъ почти тотчасъ же послѣдовалъ за нами. Сегодня поутру назначена дуэль на шпагахъ. Потому всѣ мы возвратились въ залу, и сбѣявши, что все кончилось примиреніемъ. Вскорѣ однако мы уѣхали домой.

Ночь была такъ хороша, что мы ѣхали въ открытой коляскѣ. Чистый воздухъ и движеніе подѣйствовали на меня благотворно. Мы ѣхали по аллеямъ, осѣненнымъ густыми деревьями, которыя дорогою принимали какія-то фантастическія формы. Иногда сквозь ряды деревьевъ проглядывало поле, покрытое серебрянымъ туманомъ. Легкій вѣтерокъ навѣвалъ намъ прохладу, и доносилъ свѣжій запахъ лѣса, смѣшанный съ ароматомъ цвѣтовъ. Отрадное спокойствіе, царствовавшее повсюду, мало-по-малу изгладило изъ моей памяти сцену на балѣ.

Я взглянулъ на Сюзанну. Она держала руки на груди, еще волнованнейшей послѣ бальной усталости. Капшонъ ея пальто былъ накинутъ на голову, и въ этой шелковистой рамѣ ея лицо принимало какое-

то небесное выраженіе. Тѣ, которые говорятъ, что Сюзанна хороша собою, говорятъ не все.

Недалеко отъ нашего помѣстья, на пригоркѣ возвышается маленькая деревенская церковь. Мы медленно поднимались на гору, и издали увидали кресты и скромныя памятники, окружающіе церковь. Сюзанна никогда не проѣзжаетъ мимо этого кладбища, гдѣ покоится ея мать, безъ живѣйшаго волненія. Она вдругъ вышла изъ задумчивости, и казалось, сбиралась что-то сказать мнѣ. — Не правда ли, сказала она наконецъ, что подобная ночь заставляетъ насъ живѣе чувствовать отсутствіе тѣхъ, которыхъ мы потеряли?— Я согласился съ нею и прибавилъ нѣсколько фразъ о способности сердца испытывать самыя разнообразныя впечатлѣнія. Изъ самаго контраста нашихъ понятій родилась какая-то искренность, и оставя пустыя балныя воспоминанія, мы обращаемся къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. Я хочу просить васъ... продолжала Сюзанна. — Говорите, Сюзанна. — Но мое желаніе можетъ показаться вамъ романическою фантазією... И она показывала мнѣ глазами на маленькое кладбище. Я велѣлъ остановить лошадей и подалъ ей руку. Мы поднялись по ступенямъ полуразрушенной лѣстницы, и отклоняя рукою кусты, покрытые росой, я довелъ ее до могилы, которую она искала. Она стала возлѣ нея на колѣни, а я остановился, въ нѣсколькихъ шагахъ у одинокой пвы.

Между-тѣмъ, какъ она молилась, я вспоминалъ все, что мнѣ рассказывали о бѣдной страдалицѣ, скрытой подъ этимъ камнемъ. Я рассказывалъ тебѣ о покойной матери Сюзанны. Не правда ли, Жоржъ, что она дорого купила этотъ послѣдній сонъ, котораго не можетъ прервать даже голосъ ея дочери? Суди самъ, она десять лѣтъ переносила съ улыбкою на лицѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, присутствіе человека, который своими поступками готовилъ ей нищету; другія десять лѣтъ изглаживала слѣды безпутной жизни, изъ которой на долю ей досталась одна горькая сторона... И когда наконецъ, лучъ радости хотѣлъ озарить ея несчастную жизнь, едва ея первый радостный взглядъ остановился на лицѣ дочери, какъ вдругъ — она умираетъ.

Сюзанна встала и взявъ меня подъ руку, прошептала: Благодарю васъ... вы добры... потому-что я знаю, что это не въ вашемъ характерѣ. — Не въ моемъ характерѣ, Жоржъ! Она принимаетъ меня за дерево. — Вы добры?.. Кто для нея не сдѣлается добрымъ?

Жюль Балли ожидаетъ меня въ половинѣ пятаго у рѣшетки сада. Я долженъ отсюда уѣхать. Дай Богъ счастья этому молодому человеку.

Семь часовъ.

Лобрианъ слегка раненъ въ плечо. Онъ велъ себя очень хорошо: получивъ рану, онъ извинился передъ Жюлемъ, съ благородствомъ которое возвысило его въ моихъ глазахъ. Можетъ-быть, онъ дорожитъ мнѣніемъ мужа моей жены. Во всякомъ случаѣ, я имъ очень доволенъ. Я привезъ Балли въ нашъ замокъ. Мы встрѣтили Сюзанну за ея утреннюю прогулку. Она вскрикнула, испугалась, и кончила тѣмъ, что пригласила побѣдителя завтракать.

VII.

Шени, 1-го сентября.

Я получилъ твои два письма. Ты жалуешься на мое молчаніе. Жоржъ, если нашей старой дружбы мало для того, чтобы придать интересъ моей эклогѣ, то скажи мнѣ это откровенно. Такой отвѣтъ будетъ для меня менѣе обидѣнъ, чѣмъ сухость твоихъ отвѣтовъ, которая, повидимому, увеличивается по мѣрѣ того, какъ тонъ моихъ писемъ дѣлается болѣе и болѣе одушевленнымъ.

Я люблю ее. . и самъ не понимаю, какъ это случилось! Прежде, чѣмъ я рѣшился написать это слово, прежде, чѣмъ я осмѣлился сказать его самъ-себѣ, сколько разъ я испытывалъ свое сердце? Прежде, чѣмъ я признаюсь ей въ этомъ, я хочу проникнуть въ глубину своей совѣсти. Не должно обманывать ее, другъ мой, и если въ душѣ моей, подъ видомъ любви и жизни, кроется только обманъ и смерть, то я оставляю весь ядъ для одного себя. Довольно одной жертвы.

Но повѣрь мнѣ, что я люблю ее. Въ своемъ прошедшемъ я не нахожу ничего подобнаго тому, что теперь испытываю. Виновать ли я, что люди научили меня проклинать имя друга, а женщины уничтожили въ моемъ сердцѣ уваженіе къ ихъ полу? Друзья, подобные тебѣ, и женщины, подобныя Сюзаннѣ, рѣдки. Мнѣ кажется, Жоржъ, что на свѣтѣ нѣтъ другой, ей подобной... другой, которая бы совершала свой путь съ такою увѣренностью, скромностью и простотою. Она умѣетъ придать особенную прелесть всемъ мелочамъ обыкновенной жизни, и часто приводитъ меня въ смущеніе... Прилично ли мнѣ, какъ школьнику, вздыхать подъ балкономъ, или бѣжать за каждымъ доскуткомъ, унесеннымъ отъ нея вѣтромъ? Жоржъ, ты, вѣрно, не въ состояніи обо мнѣ этого думать! Что касается до этой маленькой перчатки, которая лежитъ у меня на столѣ, то исторія ея очень проста. Разъ войдя въ лѣтній день на деревенское кладбище, мы бродили разсѣянно между прочими крестами, разбирая покрытыя мохомъ надписи, но рѣдко слу-

чается найти на могильномъ дернѣ надушенную бальную перчатку, и если найдешь, то можно ли не сберечь ее, какъ рѣдкость?

Что жъ, признаюсь тебѣ; я собираю рѣдкости, забавляюсь ребячествами и даже потерялъ аппетитъ. Я мечтаю... стерегу, ищу и убѣгаю ее... Удивляюсь, какъ до-сихъ-поръ я еще не сочиняю стиховъ...

Впрочемъ, какое же мнѣ дѣло до другихъ, если я счастливъ, и чувствую себя лучшимъ человѣкомъ, если сердце мое возвышается до того, что можетъ дать вамъ мѣсто обонмъ? Когда меня смущаетъ шедеть ея платья, когда уста мои прикасаются ко всему, до чего дотронулась ея рука, мнѣ кажется, что я не достоинъ того, что чувствую. Какъ быть? я такъ люблю ее!

Ты также, Жоржъ, навсегда останешься моимъ лучшимъ другомъ.

VIII.

Шени, 8-го сентября.

Мнѣ бы очень хотѣлось посоветоваться съ тобою прежде, чѣмъ привести въ исполненіе отчаянный планъ, который я составилъ; но при несправостяхъ деревенской почты, мнѣ придется, по-крайней-мѣрѣ, три дня ждать отъ тебя отвѣта, а у меня на это не достанетъ терпѣнія.

Мнѣ хочется сказать Сюзаннѣ, что я ее люблю, прямо сказать и откровенно. Кстати ли это будетъ? не знаю; но я долѣе не въ силахъ переносить какой-то ужасъ, вкравшійся въ мое сердце. Жоржъ, съ чего я взялъ, что она меня любитъ? Иногда ея спокойствіе пугаетъ меня; иногда мнѣ кажется, что она уже не та, что ея взглядъ останавливается на моемъ лицѣ, что онъ дѣлается нѣжнымъ, что она меня любитъ... Эти минуты сомнѣнія ужасны... Я хочу все ей высказать, и все узнать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

У нея есть любимое мѣсто прогулки, длинная и темная аллея, по срединѣ которой полукруглая скамья. Тутъ, въ жаркіе дни, она занимается своею благотворительною работою. Я видѣлъ, когда она прошла туда. При блескѣ солнца, среди своихъ цвѣтовъ, зелени, и всего, что она любитъ, она будетъ въ хорошемъ расположеніи духа... Но какъ я скажу ей все это?.. Жоржъ, никогда еще я не былъ въ такомъ волненіи. Я знаю, что моя жизнь зависитъ отъ ея отвѣта. Иду. Любовь научить всему. Иду.

Четыре часа.

.... Гдѣ ты, Жоржъ?... гдѣ твоя рука?... все погибло.... Мнѣ ничего болѣе не остается на землѣ. Нужно быть твердымъ, другъ

мой; я постараюсь. У меня нѣтъ недостатка въ твердости, но всѣ мысли въ какомъ то хаосѣ... я ничего не вижу... ничего не знаю!... Можетъ-быть, рассказавъ тебѣ послѣдній эпизодъ жизни, для меня уже конченной, я успокою себя.

Я избралъ боковыя аллеи, чтобы къ ней приблизиться и могъ издали видѣть скамью, о которой говорилъ тебѣ, не бывъ замѣченнымъ. Сюзанна держала въ рукахъ письмо, и плача, цѣловала его нѣсколько разъ. Я вдругъ остановился какъ-будто пораженный громовымъ ударомъ. Все было кончено. Да, эта минута разрѣшала всѣ сомнѣнія. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотря на Сюзанну, но не видя ея, какъ будто я на вѣкъ потерялъ зрѣніе. Когда она сложила и спрятала письмо, я подошелъ къ ней съ безчувственностью животного, раненнаго на смерть. Сюзанна не владѣетъ еще всѣми достоинствами кокетки: ея смущеніе, свѣжіе слѣды слезъ, дрожащій голосъ, подавали прекрасный случай для рѣшительнаго объясненія. Но какъ то невольно человѣкъ останавливается передъ достовѣрностью неизбѣжнаго несчастья. Я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и заговорилъ о погодѣ, о парядахъ. Сюзанна оправилась: о письмѣ ни слова. Миѣ хотѣлось еще, передъ уходомъ, истощить всѣ предположенія, въ которыхъ могла скрываться хотя искра надежды.... — Миѣ кажется, сказалъ я, что мы давно уже не получали извѣстій отъ дѣдушки... здоровъ ли онъ?—Слава Богу! Г. де-Добрианъ видѣлъ его третьяго-дня!—Браво! Я что-то еще хотѣлъ сказать вамъ.. Миѣ давно хотѣлось спросить, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь подруги въ Нарижѣ или въ Орлеанѣ, которую бы вамъ пріятно было здѣсь видѣть? Нужно пользоваться лѣтомъ и пригласить ее къ намъ погостить!—Очень вамъ благодарна, отвѣчала она, смотря на меня съ удивленіемъ, но у меня нѣтъ подругъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ вы знаете. Я отошелъ.

Подходя къ замку, я обернулся, услышавъ шумъ шаговъ на концѣ аллеи. Это было Жюль Бальи, который также остановился съ удивленіемъ. Сюзанна встала между нами, блѣдная и неподвижная, какъ статуя ужаса. Бальи пробрался въ садъ тѣмъ уединеннымъ ходомъ, который я самъ ему показалъ. При всемъ томъ, я долженъ считать себя обязаннымъ человѣку, который такъ далеко простираетъ свою учтивость, письмененно извѣщаетъ о своихъ визитахъ, чтобы много не беспокоить. Въ это время я почти никогда не бываю въ замкѣ Жоржъ, я задыхаюсь при мысли о томъ, что подумалъ обо миѣ этотъ человѣкъ когда я уступалъ ему мѣсто и продолжалъ свой путь къ замку. Но что миѣ до этого? Странныя обстоятельства моей женитьбы не избавляютъ меня отъ жалкой и глупой обязанности всѣхъ обмацутыхъ мужей,

Мнѣ бы хотѣлось только зпать, нѣтъ ли для моей чести защиты, болѣе облагодѣтельной?...

Подходя къ замку, я услышалъ въ сѣняхъ голосъ Лермита, спорившаго съ Жанетою, Имя Бальи долетѣло до моего слуха. Увидя меня, оба замолчали. Скоро послѣ этого, я зачѣмъ то позвалъ къ себѣ Лермита, и побранилъ его за ссоры съ Жанетою. Онъ хотѣлъ оправдаться и въ досадѣ высказалъ мнѣ все, начиная съ ихъ первой встрѣчи въ церкви, назадъ тому два мѣсяца, до ежедневныхъ свиданій въ аллеѣ, гдѣ я ихъ сегодня засталъ. Жанета принимаетъ и передаетъ письма черезъ какое-то третье лицо. Три недѣли назадъ, одно изъ этихъ писемъ неосторожно пришло по почтѣ. Лермитъ принесъ его, чтобы отдать мнѣ, но Жанета общала ему десять луйдоровъ, чтобы онъ его ей отдалъ. Графъ Фредерикъ А... нарисовалъ недавно въ альбомѣ портретъ Сюзанны. Лермитъ нашелъ этотъ портретъ у забора, черезъ который Бальи всегда перескакиваетъ къ намъ въ садъ. На немъ написанъ былъ адресъ этого молодаго человѣка.

Я не привожу другихъ доказательствъ, болѣе ясныхъ. Какъ только повязка спала съ моихъ глазъ, я все увидѣлъ, все понялъ однимъ взглядомъ, Лермитъ не могъ болѣе оставаться въ домѣ; я отослалъ его, позолотивъ свою неблагодарность, чтобы быть увѣреннымъ въ его молчаніи.

Теперь, Жоржъ, что мнѣ дѣлать?... Если любовь ихъ до-сихъ-поръ заключалась только въ границахъ идилліи, то тѣмъ лучше для взаимнаго спокойствія. Что касается о меня, то я не имѣю права измѣрять свой стыдъ и обиду степенью ихъ проступка. Этого исправить невозможно. Мнѣ остается только послѣднее утѣшенія гладіатора: пасть съ достоинствомъ; но объ этомъ я долженъ еще подумать.

Меня зовутъ: это радостный голосъ Лобріана. Богъ съ нимъ! Онъ обѣдаетъ здѣсь со всѣми своими, и вечеромъ у насъ гости. Я пойду къ нимъ, нужно имѣть твердость. До свиданія.

Полночь.

Наконецъ! — какой вечеръ! — я никогда еще не былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа. Одно меня безпокоило: я боялся, чтобы смѣхъ мой не остался на лицѣ, какъ смѣхъ сумасшедшаго. Сама Сюзанна обманулась, и я видѣлъ, какъ безпокойство ея мало-по-малу разсѣялось. Около десяти часовъ Жюль Бальи вошелъ въ залу. Мнѣ кажется, еслибы она взглянула на меня въ эту минуту, то сейчасъ бы вышла изъ заблужденія; но она смотрѣла только на него. Къ счастью, онъ по обыкновенію, не протянулъ мнѣ руки, потому-что тутъ терпѣніе мое непременно бы лопнуло.

Я, по обыкновенію мужей, уёлся за карточный столъ; прямо противъ меня висѣло зеркало, въ которомъ я могъ слѣдить за ихъ движеніями. Онъ стоялъ у рояля. Сюзанна, послѣ разныхъ переходовъ, показывавшихъ ея лихорадочное состояніе, вдругъ передъ нимъ остановилась: она бросила на меня бѣглый взглядъ, и потомъ сказала ему нѣсколько словъ въ полголоса, дотронувшись до его руки перчаткою. Онъ вздрогнулъ и взглянулъ въ мою сторону. Въ то же время я прочелъ на его лицѣ чувство нерѣшимости и даже печали. Послѣ этого, они разошлись. Бальи походилъ нѣсколько времени около стола, гдѣ я сидѣлъ, и казалось, искалъ случая со мною заговорить. Вѣроятно, она велѣла ему быть со мною осторожнѣе; но у него не достало рѣшимости, и онъ вдругъ вышелъ изъ залы. Теперь, когда я пишу къ тебѣ, всѣ гости уже разъѣхались.

Жоржъ, ты удивляешься моему долгому заблужденію? Я жплъ, я видѣлъ свѣтъ, въ моей памяти еще живы были уроки, которые я давалъ или получалъ отъ другихъ. Такіе примѣры не должны-ли были возбудить во мнѣ предубѣжденіе противъ этого молодаго человѣка. Я не могу здѣсь долѣе оставаться... я задыхаюсь. Въ моемъ состояніи, преступленіе совершается прежде, чѣмъ обдумывается.

Свѣжесть ночи и усталость успокоили меня. Я сталъ по немногу приходить въ себя. Жоржъ, я одинъ во всемъ виноватъ... Кто знаетъ, сколько они боролись и страдали, прежде, чѣмъ увлеклись голосомъ сердца. Онъ похожъ на тебя, а я часто думалъ, что ты былъ бы ее достоинъ... Тебя она никогда не стала бы обманывать.

Первое дуновеніе страсти должно было снести дерево безъ корня и разорвать непрочную связь. За что наказывать ихъ? за что имъ мстить? на какомъ правилѣ чести или нравственности могу я основать свою месть?

Я рѣшился уѣхать и оставить ихъ однихъ. Что для меня судъ свѣта, послѣ суда моей совѣсти? Жоржъ, ты знаешь, что я любилъ ее, что, можетъ-быть, она возвысила меня до себя, сама того не замѣчая. Я уѣзжаю отсюда навсегда, и не желаю пережить этого удара.

Еслибы я былъ тамъ, возлѣ ея матери, въ такой же тихой могилѣ, быть-можетъ, она пришла бы ко мнѣ въ одну изъ ясныхъ ночей, чтобы уронить нѣсколько слезъ состраданія надъ разтерзаннымъ ею сердцемъ. Для чего одно только преступленіе можетъ отккрыть для меня этотъ пріютъ, — купить мнѣ это спокойствіе!

Не думай объ этихъ вадорахъ, объ этихъ слабостяхъ; извини ихъ. Если правда, что утро вечера мудренѣе, то завтра ты узнаешь. — Прощай, Жоржъ, прощай другъ мой. — Прощай, Жоржъ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ВЪ КОМНАТѢ РАУЛЯ. Ближе полночи, Рауль блѣдный, съ непокрытою головою, быстро входитъ къ себѣ въ комнату. Онъ садится у стола и пишетъ.

«Я долженъ былъ уѣхать вчера; теперь уже поздно. Вотъ что случилось: благодаря безирестанцимъ визитамъ, день прошелъ скоро. Входя въ свою комнату, назадъ тому десять минутъ, я услышалъ, черезъ открытое окно своей прихожей, шумъ шаговъ въ саду. Я высунулся изъ окна, и увидѣлъ Балли, переходившаго аллею, велѣдь за Жанетою. Ночь была такъ свѣтла, что я безъ труда узналъ его, узналъ каждую черту лица его, каждую часть одежды; старуха показала ему на дверь, которая ведетъ, къ комнатѣ Сюзанны, и удалилась. Какъ только онъ вошелъ, я спустился въ садъ и заперъ эту дверь. Ему нельзя уйти отсюда безъ того, чтобы я его не увидѣлъ. Я сейчасъ иду къ нему. Мы должны встрѣтиться лицомъ къ лицу... Они довели меня до этого, Жоржъ... Это выше силъ моихъ,..

Тебѣ передадутъ это письмо, что-бы ни случилось. Прошу тебя исполнить то, что ты найдешь въ пакетѣ, адресованномъ на твое имя. Вспомянай обо мнѣ, другъ мой.

(Рауль, запечатавъ письмо, беретъ со стола пару пистолетовъ и идетъ къ лестницѣ).

ВЪ КОМНАТѢ СЮЗАННЫ. Рауль быстро входитъ, глаза его падаютъ на занавѣски окна, которыя вдругъ опускаются и вознужаются. Сюзанна смотритъ на него съ безпокойствомъ и слегка наклоняетъ голову.

РАУЛЬ. Вы не ожидали меня?

СЮЗАННА *(съ принужденіемъ.)* Нѣтъ... отчего же?... что это значить?... Вы, кажется, не имѣете обыкновенія беспокоить свою жену.

РАУЛЬ. О, за себя вамъ бояться нечего.

СЮЗАННА Я и не могу бояться.

РАУЛЬ. Вы такъ думаете?

СЮЗАННА. Вы такъ сказали. Впрочемъ, данное вами слово вполне успокоиваетъ меня.

РАУЛЬ. Я обѣщалъ вамъ полную свободу... и мое равнодушіе.... Вы говорите объ этомъ обѣщаніи? Но не забыли ли вы при этомъ наши условія?

СЮЗАННА. Не думаю.

РАУЛЬ. Сюзанна, вы все забыли, даже свою откровенность...

СЮЗАННА. Что вы хотите сказать?... Какой откровенности вы от меня требуете?... Еслибы вы о чемъ-нибудь спросили меня, Рауль, то увидѣли бы, что я откровеннѣе, чѣмъ когда либо.

РАУЛЬ. Еслибы я спросилъ васъ?... И теперь... въ эту минуту... вы осмѣлитесь отвѣчать мнѣ?..

СЮЗАННА. Да, Рауль.

РАУЛЬ. Вы осмѣлитесь?... Хорошо! Скажите: эти мечты, эти заблужденія, которыхъ я не раздѣлялъ съ вами, имѣютъ ли до-сихъ-поръ въ глазахъ вашихъ ту же цѣну?

СЮЗАННА (*тихо, дрожащимъ голосомъ*). Да, Рауль. Выслушайте меня... вы сами вызвали меня на откровенность. Да... я шагъ за шагомъ проходила тотъ мечтательный путь, тотъ путь молодости, по которому вы отказались вести меня... Я встрѣтила на немъ все олицетвореніе тѣхъ призраковъ, противъ которыхъ вы возставали... Если я обманулась, то обманулась чрезъ свое недовѣріе къ благодати Всевышняго. Я никогда не предчувствовала, сколько отрады заключается часто въ одной слезѣ! Да, я знала смертныя муки, свѣтлыя надежды, и краткія минуты, оставлявшія послѣ себя долгія воспоминанія... Однимъ словомъ, я любила... я была любима, и благословляла Бога.

РАУЛЬ. Я выслушалъ васъ... Ваше извиненіе заключается въ самой несвязности вашей рѣчи... Довольно. Вы нашли наконецъ романъ, котораго искали. Прекрасно, но скажите, предвидѣли ли вы его развязку?

СЮЗАННА. Развязку?... Я... не знаю. (*Вынимаетъ маленькій золотой ключикъ и подаетъ его Раулю, который смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Вы сомнѣваетесь?... Этотъ романъ... написанъ.. Хотите прочесть его снова? (*Показываетъ ему на столъ связку писемъ*).

РАУЛЬ. Что это?... мои письма?... (*Схватываетъ ихъ*) Мои письма къ Жоржу?... Но что же это значить?... Ради Бога, говорите.

СЮЗАННА. Тотъ, кому вы писали, тотчасъ же прислалъ ваши письма ко мнѣ. Дурно-ли онъ дѣлалъ, Рауль? Онъ измѣнялъ вамъ, правда... но я была такъ счастлива!.. Я писала отвѣты на каждое изъ его писемъ, надѣясь, что когда-нибудь... Вотъ они!

РАУЛЬ (*слушаетъ ее въ смущеніи и вдругъ быстро подходитъ къ окну*). Но я видѣлъ своими глазами, что этотъ измѣнникъ здѣсь! (*Жоржъ выходитъ изъ-за занавѣса*). Ты!.. это ты!.. О, Боже мой, это Жоржъ? (*Обнимаетъ его*).

ЖОРЖЪ (*улыбался*). Да, это я, успокойся... Твое послѣднее письмо испугало меня... Я самъ привезъ его, опасаясь замедленія почты...

Ты принялъ меня за Балъи, не правда-ли? Кстати о немъ... или лучше— (*Обращаясь къ Сюзаннѣ*) повторите сами Раулю тѣ таинственныя слова, которыя вы сказали Балъи вчера вечеромъ. — Этого будетъ довольно.

СЮЗАННА. Я сказала ему: пока ваше безразсудство беспокоило меня одну, я сносила его равнодушно; но теперь, когда оно нарушаетъ покой человѣка, который мнѣ дорогъ, я серьезно прошу васъ удалиться... Рауль, прошу васъ, отвѣчайте мнѣ... скажите, что вы мнѣ вѣрите. (*Рауль стоитъ, облокотясь на каминъ и закрывъ лицо руками. Онъ не отвѣчаетъ. Сюзанна продолжаетъ въ полголоса, обращаясь къ Жоржу*). Онъ никогда не проститъ меня... я слишкомъ обидѣла его гордость... онъ будетъ меня ненавидѣть!

ЖОРЖЪ (*подходитъ къ Раулю, и обращаетъ къ Сюзаннѣ его лицо, омоченное слезами*). Обернись!.. я хочу, чтобы она тебя такъ видѣла!

СЮЗАННА. Онъ любитъ меня!

РАУЛЬ (*прижимая ее къ сердцу*). Ангель?

(*Revue Etrangère*).
